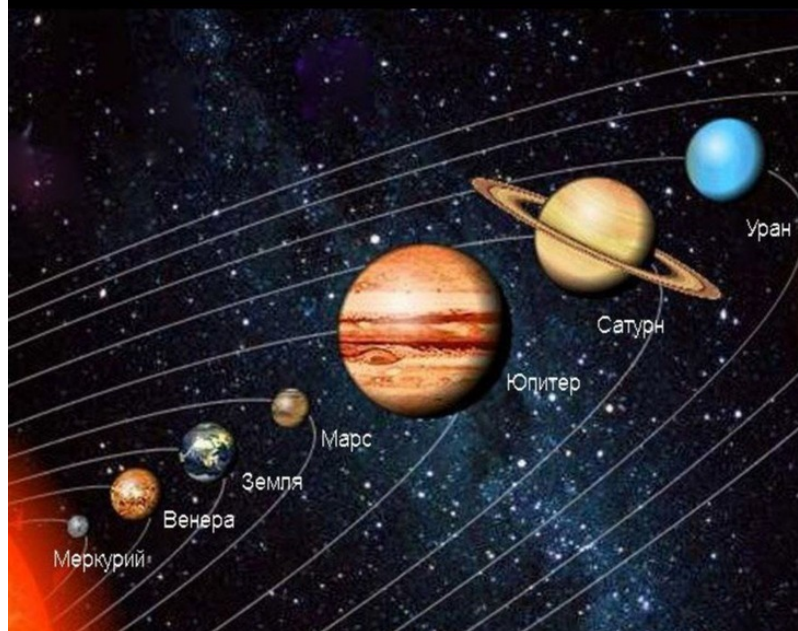

АРКАДИЙ КАЗАНСКИЙ

**Данте, «Комедия». История,
застывшая в слове. Книга 3.
«Рай»**

КОММЕНТАРИИ АРКАДИЯ
КАЗАНСКОГО

Аркадий Казанский
Данте, «Комедия». История,
застывшая в слове. Книга
3. «Рай». Комментарии
Аркадия Казанского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42309270
ISBN 9785449663573

Аннотация

Это – последняя, четвертая часть проекта «Свидетели времени», раскрывающего истинный ход истории человечества: 1. Свидетельство Данте. Демистификация. Ваше Величество Поэт. 2. Свидетельство Иоанна Богослова. Десакрализация. Ваше Величество Апостол. 3. Свидетельство «Гомера ↔ Вергилия». Демифологизация. Комментарии к «Троянской Войне». Данная часть – переработанное издание (1), где автор снимает большинство курсивов с неопознанных ранее исторических событий и персонажей. Часть состоит из 3 книг.

Содержание

Свидетели времени	5
Не верьте датам на страницах книг	6
La Commedia	11
Рай – Песня I	11
Рай – Песня II	33
Рай – Песня III	63
Рай – Песня IV	96
Раскрытое Небо	105
Рай – Песня V	119
Конец ознакомительного фрагмента.	122

**Данте, «Комедия».
История, застывшая
в слове. Книга 3. «Рай»
Комментарии
Аркадия Казанского**

Аркадий Казанский

Редактор Ирина Казанская

Иллюстратор Аркадий Казанский

© Аркадий Казанский, 2019

© Аркадий Казанский, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-6357-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свидетели времени

Проект Аркадия Казанского

Книга 2018—2019 года

Предваряю третью книгу предупреждением, родившимся у меня после предварительного анализа текста «Комедии», для пояснения отношения к датам, встречающимся в письменных источниках в принципе. Прошу прощения у Великого Поэта, за слабую и недостойную попытку написать это предупреждение в форме его гениальной песни, – стострочной кантики.

Не верьте датам на страницах книг

*Кто мы, откуда и куда идём?
Ответы на вопрос, трубящий в уши,
Хочу найти, пройдя своим путём. 3*

*Листая книги о веках минувших,
Истории воссоздавая нить,
Ловлю себя на том, что я, уснувший, 6*

*Не только не могу восстановить,
Но даже и понять, — где это было,
Когда и кто постановил так быть? 9*

*Раскрыв страницы книг, в которых сила,
Без компаса, хронометра, руля,
Вверяю всем ветрам свои ветрила. 12*

*Как только с глаз скрывается земля,
В безбрежном море книг хожу, блуждаю;
Маяк не светит в водяных полях, 15*

*В которых нету ни конца, ни края.
На волны строк растерянно гляжу
И мыслями на Солнце угораю. 18*

Но вдруг глазами остров нахожу, —

*Там хижина на кромке побережья
И я скорей на берег выхожу. 21*

*А рыбарь местный, в море бросив мрежи:
«Зачем лопату не снимаешь с плеч?», —
С вопросом обращается ко мне же. 24*

*Услышав человеческую речь:
«Да это же весло, а не лопата», —
Ответил я, в беседу рад вовлечь, 27*

*В бескрайнем море встреченного брата:
«Скажи, какой на свете год и век,
Где я сейчас, какая нынче дата?» 30*

*Невинно отвечает человек:
«Ты там, где я, а сами мы не знаем,
Что значат дата, год и час и век. 33*

*Прости меня, совсем не понимаем,
Что за нужда тебе об этом знать?
Живущим, остров кажется нам Раем. 36*

*Мы век живём, чтоб детям век свой дать,
А мёртвым нет до этого печали,
Пускай на них почиет благодать». 39*

*Потом мы с ним немного помолчали...
Сеть с двух концов взяв, я и проводник*

Пошли туда, где мой челнок причалил... 42

***Не верьте датам на страницах книг, —
Набору цифр, спрессованных в года там.
Кто ставил их, тот цель свою достиг, 45***

*Сокрыв её. Прошу, – не верьте датам!
Они нас всех отправят прямо в Ад
Ещё раз повторю, – не верьте датам! 48*

*Четыре цифры, – водопадом дат
Века-водоворот нас поглощали,
В пучину лет бросали, как котят, 51*

*В ушат с водой мужик, чтоб не пищали.
А времени невидимую нить
Лахезис, Атропос и Клото пряли. 54*

*Отдать, продать, предать, забыть, простить, —
Так дата властелину угождает;
И средь людей, рождённых, чтоб любить, 57*

*Сон разума чудовищ порождает, —
Гигантов, великанов и богов,
Всех взгляд Горгоны в камень обращает. 60*

*Но есть звезда, там, в небе, высоко,
Где вечно всё, что под Лунною тленно.
Вокруг Земли вращается легко 63*

*Хрустальный свод, – хронометр вселенной,
Как мельница, что мелет времена,
Бесстрастно видя смену поколений. 66*

*О! стрелки мои, Солнце и Луна;
О! маятник Меркурия с Венерой;
Вы, Марс, Сатурн, Юпитер, как стена 69*

*Оплотом и мерилom стали верным.
На небо вас поставил Бог-Отец,
Чтоб люди не блуждали в тьме неверной. 72*

*О! Зодиак, где Скорпион, Стрелец,
Рак, Лев, Телец, Овен, Весы и Рыба;
О! Дева, Водолей и брат—Близнеи, 75*

*Связал вас полузверь и полурыба, —
Эклиптику качающий не бес,
А Бог-Любовь, кого приняла дыба, – 78*

*Сам Козерог, властитель всех небес,
Что зиму в лето обращает строго,
Медведиц Севера и Южный Крест 81*

*Вокруг остей вращает Словом Бога-
Спасителя, что из своих палат
На каждого из нас взирает строго. 84*

*Семь стрелок, Зодиака циферблат,
Чеканят время в золотые точки,
В неповторимый времени расклад, 87*

*Нам неподвластный, совершенно точный,
Который не заляют чернила книг,
Профессора и цензор неурочный. 90*

*Там каждой дате неизменный миг
Измерен, взвешен и впечатан чудно.
Все, кто часов небесных смысл постиг, 93*

*Опору обретут не безрассудно,
Сомненья и тревоги разрешив,
На верный курс своё направят судно. 96*

*На нужный берег вовремя вступив
И, прояснив основы мирозданья,
Уйдут, во тьме маяк свой засветив;
Как светит сквозь века нам гений Данте! 100*

А. А. Казанский

Предупреждён, – следовательно, вооружён. В добрый путь
во всеоружии.

La Commedia di Dante Alighieri

Рай – Песня I Вознесение сквозь Сферу огня. Путешествие Данте и Беатриче по Солнечной Системе.

Лучи того, кто движет мирозданье,
Всё проникают славой и струят
Где – большее, где – меньшее сиянье. 3

Я в Тверди был, где свет их восприят
Всего полней; но вёл бы речь напрасно
О виденном, вернувшийся назад; 6

Над восемью вращающимися вокруг неподвижной Земли хрустальными небесами «Геоцентрической системы Птолемея», согласно Церковного учения помещалось девятое, – недвижимый Эмпирей (греч. – пламенный) – обитель Божества или «Перводвигатель».

Представим себе «Геоцентрическую систему Птолемея», состоящую из вложенных друг в друга, как матрёшки, хрустальных Сфер в руках Создателя, который, словно ребёнок игрушку, неумоимо вращает Сферы своими руками. А наша любимая хрупкая планета Земля неподвижно, подобно детской игрушке: «ванька-встанька», неизвестно как удерживается от вращения, располагаясь в центре Мироздания. Хорошо ещё, что Создатель висит в пустоте пространства, а не стоит на твёрдом полу, а то, не дай Бог, вдруг уронит нашу хрупкую систему из уставших рук, и разобьёт её в мелкие осколки. Вот и будет: «Конец Света».

Считалось, – свет Божества доходит до нас через отверстия (скважности) хрустальных Сфер, обращающихся вокруг Земли, а большее или меньшее сиянье этого света, согласно учения Плутарха, происходит от разной скважности (проще говоря дырявости) хрустальных Сфер, несущих звёзды и планеты. Именно так объясняли, с одной стороны, видимое обращение небосвода вокруг неподвижной Земли; с другой стороны, происхождение света звёзд, Солнца, Луны, планет и вообще всех светящихся объектов Вселенной, включая кометы и метеоры. Получалось, – Солнце светит не своим светом, а пропускает через свою «скважину» свет Сферы огня = Эмпирея = Перводвигателя.

Человек, – Прометей своего времени, зная, сколько нуж-

но усилий и времени для поддержания огня в очаге, когда видел светящиеся объекты Вселенной, главным из которых являлось Солнце, не мог понять, – за счёт чего они светятся? Не различая между собой Солнце и Луну, звёзды и планеты, он считал их равноправно горящими объектами небосвода. Пределом этого понимания стало представление, – кто-то поддерживает их огонь, как человек в очаге, а, раз эти небесные объекты (за исключением Луны), *светятся* постоянно, это должен быть кто-то, высший их всех – непостижимый умом бог.

Сегодня даже невозможно себе этого представить. А гениальный Данте, словно посмеиваясь над нами, позволяет прочесть эти строки совершенно по-другому. Зная, – Земля вращается вокруг Солнца, струящего лучи и проникающего всё своей славой, он именно его и помещал в центр «Солнечной Системы», остальные объекты которой светят отражённым светом.

Твердь, где свет лучей и славы Солнца воспрят был всего полнее, – наша любимая планета Земля, которая, воспринимая свет Солнца (*Создателя, Перводвигателя, Эмпирея*), воссияла ещё и светом Разума.

Затем что, близясь к чаемому страстно,
Наш ум к такой нисходит глубине,
Что память вслед за ним идти не властна. 9

Однако то, что о святой стране

Я мог скопить, в душе оберегая,
Предметом песни воспослужит мне. 12

Разум человеческий способен достичь невероятной высоты и глубины познания, в то время, как память человеческая не властна следовать путём своих ярчайших умов. Поэтому учёный, взлетевший к неизведанным высотам мысли, либо нисшедший к невероятной глубине суждений, не может рассчитывать на понимание людьми своего века, и не только своего.

Эта истина справедлива и на сегодняшний день, а что там говорить о XVIII веке, когда начала истины о строении Вселенной, доступные небольшому кругу учёных, были смертельно опасны для Церкви и правящих кругов (помазанников Божьих), так же, как смертельно опасен был сам учёный – носитель истины. Только-что был сожжён на костре друг и учитель Данте – Джордано Бруно и это был далеко не единственный костёр XVIII века. Перечень великих учёных, сожжённых инквизицией в XVIII—XIX веках потрясает, хотя Церковь постаралась стыдливо отодвинуть эти костры вглубь веков.

Поэт, оберегая в душе память о святой стране своего детства – России, сделал именно её предметом своих песен.

О Аполлон, последний труд свершая,
Да буду я твоих исполнен сил,
Как ты велишь, любимый лавр вверяя. 15

Поэт вознёс горячую молитву Олимпийскому богу, отцу и покровителю Муз – Аполлону (Фебу, Тимбрею), сыну Верховного Олимпийского бога Зевса-Громовержца, прося у него силы, чтобы достойно свершить последний тяжкий труд. Аполлон увенчивал великих поэтов и музыкантов лавровым венком, с которым мы привыкли видеть изображения самого Данте.

В лавр была превращена нимфа Дафна, дочь бога реки, Пеня, убегавшая от преследовавшего её влюбленного Аполлона (Метам. I. 452—567).

Мне из зубцов Парнаса нужен был
Пока один; но есть обоим дело,
Раз я к концу ристанья приступил. 18

Войди мне в грудь и вей, чтоб песнь звенела,
Как в день, когда ты Марсия извлёк
И выбросил из оболочки тела. 21

Поэт приступил к концу ристанья (сраженья), сражаясь словом.

До сих пор он нуждался в покровительстве одной из двух вершин Парнаса – Иппокрены, на которой обитали Музы. Теперь ему потребовалось содействие второй вершины – Кирры – обители самого бога Аполлона. Он захотел уподо-

биться Аполлону, богу Дельф, как победителю в музыкальном состязании с Марсием.

Марсий – сатир, состязавшийся в музыкальном искусстве с богом Аполлоном, который, победив Марсия, содрал с него живого кожу (Метам. VI, 382—400).

О вышний дух, когда б ты мне помог
Так, чтобы тень державы осиянной
Явить в мозгу я впечатлённой мог, 24

Данте желал, призывая на помощь бога Аполлона, явить тень державы осиянной – ввести в бессмертие истинную историю России иносказаниями и датами, рассыпанными в «Комедии», чтобы потомки смогли восстановить по фрагментам костей весь скелет.

Я стал бы в сень листвы, тебе желанной,
Чтоб на меня возложен был венец,
Моим предметом и тобой мне данный. 27

Для этого поэт был готов стать в сень листвы, желанной Аполлону, чтобы получить из его рук венец, заслуженный бессмертной поэзией. Чтобы совершить великий подвиг написания «Комедии», он жаждал превзойти искусством самого бога Аполлона, рискуя оказаться в положении Марсия.

Её настолько редко рвут, отец,

Чтоб кесаря почтить или поэта,
К стыду, и по вине людских сердец, 30

Что богу Дельф должно быть в радость это,
Когда к пенейским листьям взор воздет
И чьё-то сердце жаждой их согрето. 33

За искрой пламя ширится вослед:
За мной, быть может, лучшими устами
Взнесут мольбу, чтоб с Кирры был ответ. 36

Настолько редко лаврами венчали правителя или поэта, что Данте испытывал по этому поводу глубокий стыд. Но бог Аполлон в этом не был виновен. Мало правителей, мало поэтов, стремящихся к вечной славе, а ещё меньше достойных называться великими, заслужившими честь венчания лавровым венцом. Поэт назвал Аполлона отцом и сказал, – тому должно быть в радость, когда кто-либо поднимет взор к пенейским листьям – листьям лавра, желая заслужить столь высокую награду. Он выразил желание, чтобы из искры возгорелось пламя, чтобы пришли лучшие его и обратили мольбы в сторону Кирры, обители бога Аполлона.

Что это, как не горячий призыв и завещание потомкам: «Поймите „Комедию“ и найдите ответы на загадки, рассыпанные в ней, чтобы услышать с Кирры голос бога Аполлона!»

Встаёт для смертных разными вратами
Лампада мира; но из тех, где слит
Бег четырёх кругов с тремя крестами, 39

По лучшему пути она спешит
И с лучшею звездой, и чище сила
Мирскому воску оттиск свой дарит. 42

В зависимости от времени года, Солнце (лампада мира) восходит в разных точках горизонта (разными вратами). В весеннее равноденствие, восходя в той точке, где пересечение четырёх кругов (горизонта, экватора, эклиптики и зодиака) образует три креста, оно движется в небе по лучшему пути; день становится длиннее ночи, наступает тёплое, наилучшее время года, что позволяет ему благотворно влиять на земную жизнь (мирской воск), пробуждая природу северного полушария к жизни и цветению.

Почти из этих врат там утро всплыло,
Здесь вечер пал, и в полушарьи том
Всё стало белым, здесь всё черным было, 45

Когда, налево обратясь лицом,
Вонзилась в Солнце Беатриче взором;
Так не почиет орлий взгляд на нём. 48

Весеннее равноденствие миновало, утро всплыло в северном полушарии не точно возле пересечения четырёх кругов,

но недалеко от него, в то время как в южном полушарии пал вечер. Делая поворот, Данте с Беатриче очутились уже не на вершине горы Чистилища, где пал вечер и стало всё чёрным, а в Санкт-Петербурге, где всплыло утро и всё стало белым.

Вообразим восход Солнца в северном полушарии, где мы ждём его, став лицом к югу. Солнце восходит слева, так что посмотреть на него можно, повернув голову налево. Беатриче, обратясь лицом налево, вонзилась в восходящее Солнце взором; Данте последовал её примеру, но, не выдержав блеска Солнца, устремил глаза к её глазам и начал, незаметно для себя, возноситься вместе с нею сквозь небесные Сферы.

Даже орлы не могут так прямо смотреть на Солнце.

Как луч выходит из луча, в котором
Берёт начало, чтоб отпрянуть ввысь, —
Скиталец в думах о возврате скором, – 51

Так из её движений родились,
Глазами в дух войдя, мои; к светилу
Не по-людски глаза мои взнеслись. 54

Там можно многое, что не под силу
Нам здесь, затем что создан тот приют
Для человека по его мерилу. 57

Глаза Данте и Беатриче встретились, и, как световой луч

даёт начало отражённому лучу, напоминающему скитальца, прошедшего полпути и стремящегося вернуться домой, так и он растворился в её глазах. Любовь, которую он оставил, поддавшись давлению «Имеющего Власть», снова разгорелась в нём.

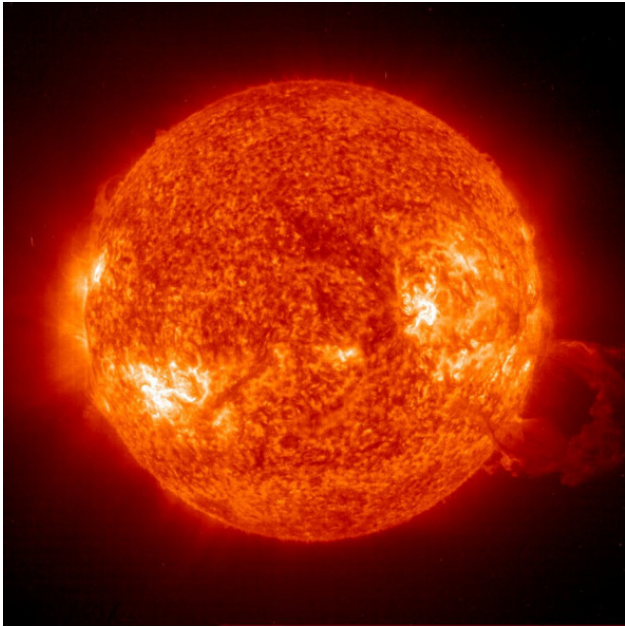
Ободрённый Беатриче, Данте возносился с нечеловеческой силой глазами к Солнцу. Он начал описание оптических явлений – отражения и преломления луча света. Беатриче вооружила его телескопом, с помощью которого его глаза возносились к светилу не по-людски, а посредством инструмента, через который можно увидеть многое, что не под силу невооружённому глазу. Приют, созданный для человека по его мерилу – астрономическая обсерватория, оснащённая телескопами.

Я выдержал недолго, но и тут
Успел заметить, что оно искрилось,
Как взятый из огня железный прут. 60

И вдруг сиянье дня усугубилось,
Как если бы второе Солнце нам
Велением Могущего явилось. 63

Взглянув на Солнце в телескоп, поэт выдержал недолго, хотя телескоп был снабжён светофильтрами, и отвёл глаза, так же, как и тогда, когда наблюдал его восходящим над Заводским водохранилищем. Но и при недолгом рассмотре-

нии Солнца в телескоп, он успел заметить, – его поверхность имеет структуру – искрится, как взятый из огня железный прут [Рис. Р.I.2].

Р.I.2 Вид поверхности Солнца в телескоп, снабжённый светофильтрами.

Поверхность Солнца неоднородна, с яркими пятнами и тёмными местами. У Данте оно «искрится, как взятый из огня железный прут» – очень точное сравнение. Наблю-

дая за движением Солнечных пятен, учёные установили, – Солнце вращается вокруг своей оси со скоростью 1 оборот за 27,5 дней. Хорошо видны мощные протуберанцы – выбросы солнечного вещества, которые загибаются обратно к его поверхности под воздействием притяжения звезды огромной массы.

Проще говоря, поэт заметил, – поверхность светила не однородно светящаяся, как можно было подумать, но имеет неровности света (пятна) и Солнечную корону с протуберанцами. Кроме того, посмотрев в телескоп, он увидел Солнце в увеличенном виде, как бы приблизившись к нему – в телескоп Солнце выглядит гораздо большим и ярким, несмотря на смягчающие свет фильтры. Оторвав глаз от окуляра телескопа, поэт расширившимся зрачком схватил дневной свет, как бы увеличившийся вдвое. Этот эффект можно наблюдать, выходя из темноты на яркий свет.

А Беатриче к вечным высотам
Стремилась взор; мой взгляд низведши вскоре,
Я устремил глаза к её глазам. 66

Я стал таким, в её теряясь взоре,
Как Главк, когда вкушённая трава
Его к бессмертным приобщила в море. 69

Беатриче, сменив его у телескопа, продолжала рассматри-

вать Солнце, а он опустил глаза и потерял голову, встретившись с её глазами.

Главк – рыбак, отведавший чудесной травы и превратившийся в морского бога (Метам. XIII, 898—968).

Пречеловеченье вместить в слова
Нельзя; пример мой близок по приметам,
Но самый опыт – милость Божества. 72

Был ли я только тем, что в теле этом
Всего новей, Любовь, Господь высот,
То знаешь Ты, чьим я вознёсся светом. 75

Пречеловеченье (Trasumanar), – так христианская религия называла Преображение (Богоявление) Христово – превращение в нечто большее, чем человек.

Когда создавался человек, душа была создана позже всего, поэтому в теле она новее всего. Поэт описал ощущения от взгляда то ли в телескоп, то ли в глаза любимой, как превращение в нечто более новое, возносясь в небеса светом любви, которая новее души.

Когда круги, которых вечный ход
Стремишь, желанный, Ты, мой дух призвали
Гармонией, чей строй Тобой живёт, 78

Я видел – Солнцем загорелись дали
Так мощно, что ни ливень, ни поток
Таких озёр вовек не расстилали. 81

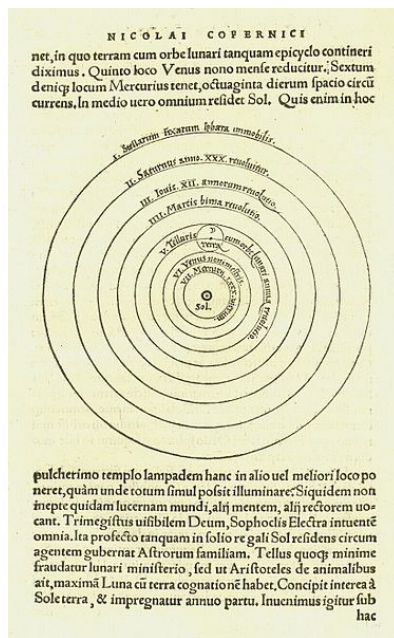
Звук был так нов, и свет был так широк,
Что я горел постигнуть их начало;
Столь острый пыл вовек меня не жёг. 84

Круги (небесные Сферы), вращаемые девятым, кристалльным небом, или Перводвигателем (Сферой огня), который, в свою очередь, вращается с непостижимой быстротой, – как Данте пояснял в «Пире» (II, 3 [4]), – каждая его частица жаждет соединиться с каждой из частиц объемлющего его неподвижного Эмпирея. Дух его привлекли гармонические созвучия, производимые, как учил Платон, вращением небес.

Беатриче начала читать Данте курс лекций по устройству Мира и Солнечной Системы, представляя всё в виде концентрических кругов. Начала она не с Земли, а с Солнца, описывая тем самым, «Гелиоцентрическую систему мироздания» Иоганна Кеплера (1571—1630 годы). В XVIII веке «Гелиоцентрическая система» [Рис. Р.I.3] только начала завоёвывать умы, поэтому поэт сказал, – звук этот нов для него. Вместе с темросло понятие об истинных размерах Солнца и планет, – он говорил о такой широкой дали, сравнить с которой на Земле просто нечего. И пыл познания, и пыл любви

страстно нёс поэта по течению «Комедии».

Елизавета, вместе с братом Петром в детстве провела много времени в «Готторпском Глобусе», наблюдая и слушая многочасовые лекции по этим вопросам.

Р.1.3 Гелиоцентрическая система мироздания.

Считающееся первым изображение «Гелиоцентрической системы» *Николая Коперника (1475—1543 годы)* из книги: «Обращение Небесных Сфер». Фактически, труд Иоганна

Кеплера (1571—1630 годы), отнесённый им на столетие назад.

Та, что во мне, как я в себе, читала, —
Чтоб мне в моём смятении – помочь,
Скорей, чем я спросил, уста разъяла 87

И начала: «Ты должен превозмочь
Неверный домысл; то, что непонятно,
Ты понял бы, его отбросив прочь. 90

Не на Земле ты, как считал превратно,
Но молния, покинув свой предел,
Не мчится так, как ты к нему обратно». 93

Беатриче, понимающая Данте, как себя, объяснила ему, – они уже не на Земле, а возносятся к небесам: «Молния, покинув свой предел (Сферу огня), мчится вниз с меньшей быстротой, чем мчимся мы обратно к нашему пределу, к небу». Не всё, что нам кажется верным на первый взгляд, верно на самом деле. Приближение небесных тел с помощью телескопа, можно сравнить с приближением к небесным телам.

Если смотреть на Солнце в прибор, увеличивающий в 2 раза, это можно сравнить с преодолением половины расстояния до Солнца в одно мгновение. Солнечный луч преодолевает такое расстояние за несколько минут. А если смот-

реть в телескоп с 1000-кратным увеличением, это можно сравнить с передвижением силой мысли, скорость которой неизмеримо больше скорости света (молнии).

И в самом деле, не представлять же Данте и Беатриче первыми космонавтами, отправившимися в далёкий Космос. Всё их путешествие в небеса происходило в мыслях и воображении, вооружённых созданным гением человека телескопом.

Покров сомненья с дум моих слетел,
Снят сквозь улыбку речью небольшою,
Но тут другой на них отяготел, 96

И я сказал: «Я вновь пришёл к покою
От удивленья; но дивлюсь опять,
Как я всхожу столь лёгкою средою». 99

Здесь следует вернуться в самое начало «Комедии», когда поэт восходил на звёздное небо в виде созвездия Северная Корона. Но, одно дело – водить пальцем по «Карте Звёздного Неба» и совсем другое – рассматривать вооружённым телескопом глазом планеты и звёзды.

Она, умея вздохом сострадать,
Ко мне склонила взор неизреченный,
Как на дитя в бреду взирает мать, 102

И начала: «Всё в мире неизменный

Связует строй; своим обличем он
Подобье Бога придаёт Вселенной. 105

Беатриче читала лекцию, глядя на него, как мать на младенца в бреду, терпеливо поясняя ему устройство мироздания, – так познавший истину учёный обращается к ученикам, для которых открытие истины ещё впереди.

Всё в мире неизменный связует строй, – человек XVIII века, приобретая с помощью открытий науки познание вечного Мироздания, распространял полученные результаты и на себя, как подобье Бога.

Для высших тварей в нём отображён
След вечной Силы, крайней той вершины,
Которой служит сказанный закон. 108

И этот строй объемлет, всеединый,
Все естества, что по своим судьбам —
Вблизи или вдали от их причины. 111

Высшие твари – люди, которые могут отследить след вечной Силы. Этот закон объемлет все естества, со всеми их деяниями, независимо от того, вблизи или вдали от нас они находятся. Эта посылка вполне современна, – законы Мироздания объемлют всю Вселенную одинаково.

Они плывут к различным берегам
Великим морем бытия, стремимы

Своим позывом, что ведёт их сам. 114

Он пламя мчит к Луне, неудержимый;
Он в смертном сердце возбуждает кровь;
Он Землю вяжет в ком неразделимый. 117

Каждый человек идёт своим путём, плывёт к своему берегу, но движет всех Создатель, освещающий Луну, возбуждающий кровь в смертном сердце (дающий жизнь) и связывающий Землю в неразделимый ком. Солнце, как и Земля, подчиняется «Закону Всемирного Тяготения», открытому великим современником Данте – сэром Исааком Ньютоном (1642—1727 годы). Поэт неоднократно, в ходе «Комедии», демонстрировал знание законов Ньютона.

Лук этот вечно мечет, вновь и вновь,
Не только неразумные творенья,
Но те, в ком есть и разум, и любовь. 120

Свет устроительного провиденья
Покоит Твердь, объемлющую ту,
Что всех поспешней быстротой вращенья. 123

Туда, в завещанную высоту,
Нас эта сила тетивы помчала,
Лишь радостную ведая мету. 126

Лук Создателя – Солнце, дарующее энергию для жиз-

ни не только неразумным творениям, но и тем, в ком есть разум и любовь – людям. Свет устроительного провиденья покоит Твердь, объемлющую Солнце, которое вращается вокруг собственного центра со скоростью 1 оборот за 27,5 дней, быстрее скорости обращения Меркурия вокруг него в 88 дней, не говоря уже об остальных планетах, что было открыто астрономами буквально с самого начала наблюдений за ними в телескоп. Луна оборачивается вокруг Земли за 28,5 дней. В то время ещё были неизвестны другие спутники планет, оборачивающиеся быстрее, – здесь поэт абсолютно точен.

Туда, в завещанную высоту, призвала Беатриче Данте с собой. Поэт, как стрела из лука Солнца = Аполлона, помчался вслед за ней, проницая все Сферы Мироздания, имея целью постижение истины.

И всё ж, как образ отвечает мало
Подчас тому, что мастер ждал найти,
Затем что вещество на отклик вяло, – 129

Так точно тварь от этого пути
Порой отходит, властью обладая,
Хоть дан толчок, стремленье отвести; 132

Путь к вершинам познаний – тернистый путь. Люди – твари ленивые, стремятся уклониться от него, обладая властью не постигать новые знания, руководствуясь ленью, косно-

стью мышления, прикрываясь запретами властей предержащих. Мало людей, которые могут и хотят проникнуть в суть вещей, увидеть истину в том, что находится перед глазами, проделать хоть какую-то работу в этом направлении.

И как огонь, из тучи упадая,
Стремится вниз, так может первый взлёт
Пригнуть обратно суета земная. 135

Дивись не больше, — это взяв в расчёт, —
Тому, что всходишь, чем стремнине водной,
Когда она с вершины вниз течёт. 138

То было б диво, если бы, свободный
От всех помех, ты оставался там,
Как сникший к почве пламень благородный».
И вновь лицо подъяла к небесам. 142

В Средние века полагали, — молния (огненный пар), зажатый в водяных парах тучи, расширяясь, прорывает их в наиболее слабой стороне — в той, которая обращена к Земле, поэтому она устремляется вниз, хотя огню свойственно стремиться ввысь, к Сфере огня.

Так и человек, даже озарённый вспышкой истинного знания, стремится вниз, пригибаемый земной суетой. Как ни рассказывай, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

Человек, обладающий возможностью познания, отводит стремление вниз, обладая волей. Это неудивительно, – Беатриче и Данте были знакомы с трудами Беркли, Вольфа, Тетенса, Хатченсона, Монтеня, Юма, Декарта, Лейбница, Локка, Мальбранша, Спинозы и многих других философов и мыслителей своего, XVIII-го века. Первый взлёт может пригнуть суeta земная – повседневность, мирские заботы, жажда власти, военная карьера – всё это не способствует взлёту духа. Взлёту духа нужно дивиться не больше, чем стремнине водной, текущей вниз под влиянием силы земного притяжения. Было бы более удивительно, если, окрылив свой дух, ты оставался бы на поверхности Земли.

И вновь Беатриче лицо подняла к небесам, – прильнув к окуляру телескопа, силой мысли начала подниматься по небесным Сферам, увлекая за собой Данте.

Рай – Песня II

Первое небо – Луна.

Первые люди на Луне.

О вы, которые в челне зыбучем,
Желая слушать,плыли по волнам
Вослед за кораблём моим певучим, 3

Поворотите к вашим берегам!
Не доверяйтесь водному простору!
Как бы, отстав, не потеряться вам! 6

Данте, обращается к читателям, следующим вслед за его певучим кораблём, желающим только слушать, не задумываясь об услышанном, с советом, – поворотить к своим спокойным берегам, ибо, отстав от мысли «Комедии», они рискуют неизбежно потеряться в водном просторе разлитой вокруг его произведения мистики и нагромождений дремучего леса неграмотных толкований строк и мыслей поэта.

Здесь не бывал никто по эту пору:
Минерва веет, правит Аполлон,
Медведиц – Музы указуют взору, 9

В мире, куда поэт отправился, ведомый Беатриче, они бы-

ли первыми из людей, не считая учёных астрономов. Никто духом не взлетал на другие Сферы, за исключением Богов, Муз (которых взнёс туда человек), и взнесённых на небо созвездий (имя которым дал человек). Даже в наше время, когда человек на космических кораблях только-только начал преодолевать земное притяжение (точнее сказать, – человек только попробовал его преодолеть), никто ещё не поднялся до звёзд. Осуществленный человеком полёт на Луну (*Диану, Минерву*), который фактически был снят в кино, нельзя считать преодолением земного притяжения, так как сама Луна находится во власти земного притяжения. В области выше Луны, где правит Солнце (Аполлон), Музы указывают Медведиц и другие созвездия, человек физически никогда не был, и не побывает.

А вы, немногие, что испокон
Мысль к ангельскому хлебу обращали,
Хоть кто им здесь живёт – не утолён, 12

Вам можно смело сквозь морские дали
Свой струг вести там, где мой след вскипел,
Доколе воды ровными не стали. 15

Физически не побывает, – не означает того, что человек не побывает там полётом мысли. Данте обратил строки к тем немногим, кто испокон обращал мысль к ангельскому хлебу – хлебу истины, задумываясь об основах Мироздания.

Утолить голод ангельским хлебом невозможно — жажда познания не знает границ. Итак, не утолившие голод познания ангельским хлебом, смелее, вслед за поэтом, через морские дали и дали безбрежного Космоса, пока виден кипящий след ладьи поэта, пока воды вновь не стали ровными.

Тех, кто в Колхиду путь преодолел,
Не столь большое ждало удивленье,
Когда Ясон предстал как земледел. 18

Читателей «Рая» ждёт ещё большее удивление, чем приплывших в Колхиду аргонавтов, когда они увидели, — их возжъ Ясон вспахал на огнедышащих быках заветное поле, посеял на нём зубы дракона и одолел вышедших из-под земли воинов, одетых в латы. (Метам. VII.100—143).

Ясон¹ — в древнегреческой мифологии сын царя Иолка Эсона и Полимеды (или Алкимеды). Герой, участник «Калидонской охоты», предводитель аргонавтов, отправившихся на корабле «Арго» в Колхиду, вместе с Геркулесом и другими героями за золотым руном. Это задание ему дал сводный брат его отца Пелий, чтобы погубить его. Ясон упомянут в «Илиаде» и «Одиссее» Гомера.

К какому веку отнести Ясона? Он принадлежал к первому поколению героев, рождённому семьёй Олимпийских

¹ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ясон>

богов. Детей Верховного Олимпийского бога Зевса-Громовержца и его брата – Колебателя Морей Посейдона, он видел ещё живущими и ходил с ними на Арго. Ясон дожил даже до «Троянской Войны» = осады и взятия Константинополя сводными войсками 27-ми стран Европы в 1453 году. В [3] Ясон отождествлён с Генрихом Мореплавателем (1394—1460 годы), изобретателем первого мореходного корабля (каравеллы), а Зевс-Громовержец с Дмитрием (Ильёй) Донским (1350—1389 годы).

Врождённое и вечное томленье
По Божьем царстве мчало наш полёт,
Почти столь быстрый, как небес вращенье. 21

Взор Беатриче не сходил с высот,
Мой взор – с неё. Скорей, чем с самострела
Вонзится, мчится и сорвётся дрот, 24

Но ни Зевсу-Громовержцу, ни Ясону было недоступно путешествие по Солнечной Системе.

Данте и Беатриче возносились сквозь Сферы Мироздания к Божьему царству. Их полёт направляло врождённое и вечное томление духа. Полёт их был почти столь же быстрый, как вращенье небес, а небеса оборачиваются вокруг Земли раз в сутки. Беатриче устремила взор к высотам, поэт, как послушный ученик, смотрел на неё.

Вонзится, мчится и сорвётся дрот с самострела, – полёт

стрелы поэт описал в обратном направлении. Если посмотреть на выстрел из огнестрельного оружия со стороны цели, – сначала почувствуешь пулю, поразившую тебя, затем услышишь её свист и только потом услышишь выстрел из ружья, – скорость полёта пули превышает скорость звука. Если бы поэт считал это возможным, он прямо назвал бы это выстрелом из огнестрельного оружия. Именно огнестрельное оружие можно назвать самострелом с большим основанием, чем лук, который для выстрела необходимо натянуть силой своих мускулов. Да и скорость полёта стрелы в несколько раз меньше скорости звука.

В начале XIV века, куда традиционно относили Данте, ни порох, ни огнестрельное оружие ещё не были изобретены.

Век XVIII смело можно назвать «пороховым» и «пушечным» – веком огнестрельного оружия, и далеко не самым первым.

Я долетел до чудного предела,
Привлекшего глаза и разум мой;
И та, что прямо в мысль мою глядела, – 27

Сияя радостью и красотой:
«Прославь душой того», – проговорила:
«Кто дал нам слиться с первой звездой». 30

Путешественники в пространстве слились с первой звездой; они достигли Луны, – ближайшего к Земле светила и погрузились в её недра, как это с ними будет и на других планетах и небесных Сферах.

Кого Беатриче призывает прославить? Прежде всего, Создателя, без воли которого не делается ничего. А ещё создателя телескопа. Предстоит разобраться, – кто из великих астрономов реально был создателем первого телескопа, учитывая тягу того времени к «удревнению» исторических событий. Первый кандидат, – *Галилео Галилей (1564—1642 годы, якобы)*. Обнаружив «сдвиг Данте» и границу ХАОСА, понимаем, – любая дата ранее 1743 года подлежит проверке, а любая дата ранее 1300 года подлежит безусловному переносу ближе этого предела. Принимая во внимание известный факт, – Джордано Бруно и *Галилео Галилея* судил один и тот же инквизитор, – Роберто Ромоло Беллармин, провозглашённый в 1930 году «Учителем Церкви», являющийся также учителем миссионера Маттео Риччи, умершего около 1823 года, как было показано выше, время жизни изобретателя телескопа следует перенести минимум на 144 года ближе к нам (согласно «сдвига Джордано Бруно»), получится (1708—1786 годы). Таким образом, Беллармин, судивший Джордано Бруно в 1743 году, изобретателя телескопа в 1752 году, вполне мог быть учителем Маттео Риччи, родившимся около 1741 года. «Изобретение» телескопа попадает, в этом случае, в XVIII век, – Данте смотрел в него впер-

вые, вместе с Беатриче, в 1743 году, которой телескоп стал доступен намного раньше Данте.

В 1725 году императрица Екатерина открыла первую обсерваторию в Санкт-Петербурге, оснащённую телескопом в 1728 году. Император Пётр II тогда переехал в Москву вместе со двором, и не мог при этом присутствовать. Обучаясь затем в высших учебных заведениях, – Болонье и Сорбонне, контролируемых иезуитами, которые не допускали слушателей к новым открытиям, считавшимся ими еретическими, он также не мог видеть небо в телескоп. Только попав в Россию в 1743 году, он впервые увидел небо в телескоп, и неудивительно, – императрица Елизавета Петровна первым делом потащила его показать последние достижения науки и техники.

Так кто же изобрёл телескоп? Период времени, обозначенный Данте, указывает на конкретного астронома, фамилия которого созвучна с *Галилеем*:

Эдмунд (Эдмонд) Галлей (1656—1742 годы)² – Английский королевский астроном, геофизик, математик, метеоролог, физик и демограф.

Родился 29 октября 1656 года (**по Юлианскому календарю, действовавшему в Англии до 1752 года**) в небольшой деревушке Хаггерстон (ныне окраина Лондона) в семье зажиточного мыловара. Учился в школе святого Павла, затем, с 1673 года, в Королевском колледже в Оксфорде.

² https://ru.wikipedia.org/wiki/Галлей,_Эдмунд

Ещё в 1676 году, будучи студентом третьего курса Оксфордского университета, Галлей опубликовал первую научную работу: «Об орбитах планет» и открыл большое неравенство Юпитера и Сатурна (скорость всё время возрастает у одной планеты – Юпитера – и уменьшается у другой). Это открытие впервые поставило перед астрономами важнейший для человечества вопрос об устойчивости и долговечности Солнечной Системы. В 1693 году Галлей обнаружил вековое ускорение Луны, что могло свидетельствовать о её непрерывном приближении к Земле.

Покинув Оксфорд, Галлей посетил в 1676 году остров Святой Елены в Южной Атлантике с целью изучения звёзд. В 1677 году Галлей предложил новый метод определения расстояния до Солнца, – астрономическую единицу. Для этого необходимо было наблюдать прохождение Венеры по диску Солнца из двух мест, удалённых по широте. Способ Галлея позволил к концу XIX века в 25 раз снизить ошибку при определении солнечного параллакса.

Возвратился в Англию в ноябре 1678 года, а в 1679 году издал «Каталог Южного Неба», в который включил информацию о 341-й звезде южного звёздного неба. Это было очень много, -считая, – большинство звёзд южного звёздного неба доступны наблюдению из северного полушария. За особые до-

стижения Галлей был представлен к званию магистра астрономии в Оксфорде и принят в члены «Лондонского Королевского Общества». В Англии Галлей занимался исследованием силы, которая управляет движением планет. В 1684 году он самостоятельно вывел, – она обратно пропорциональна квадрату расстояния до планеты. Однако решить задачу, каковы будут формы орбит, определяемые действием такой силы, Галлей, как и другие физики, не мог. Между тем проблема почти за два десятка лет до него была решена Исааком Ньютоном (1643—1727 годы), который, однако, свои результаты публиковать не соби-рался. Узнав об этом, Галлей убедил Ньютона возобновить исследования и взял на себя расходы по их публикации. Так увидели свет знаменитые (Математические начала натуральной философии). Галлей написал на латыни восторженное посвящение их великому автору.

Галлей внёс огромный вклад в становление демографической науки. В 1693 году он построил первую полную таблицу смертности для населения города Бреславля (Вроцлав, Польша), включив в неё младенческую и детскую смертность.

Почему Англичанин составлял таблицу смертности для Польского города? Очевидно, *Польский астроном Галилей* явился отражением реального Английского астронома Галлея, отправившего свои труды, которые бы-

ло опасно публиковать, и имя в прошлое, подобно Данте. Туда же отправил Галлей и изобретение им телескопа; вслед за Галлеем в прошлое были отправлены и судивший его инквизитор Роберто Беллармин, и связанные с ним Джордано Бруно, и Маттео Риччи. Галлея же судили заочно, инквизиция не могла дотянуться до него, находящегося в Англии под защитой короля и англиканской Церкви, не признающей власти папы и инквизиции. А открытые им спутники Юпитера по праву должны называться Галлеевыми, а не *Галилеевыми*; впрочем, это был один и тот же человек.

Каким образом Эдмунд Галлей оказался в Польше? Его туда пригласил не менее знаменитый астроном Ян Гевелий (1611—1687 годы), которому, для составления и иллюстрации «Атласа Звёздного Неба» срочно понадобился «Каталог Южного Неба», изданный Галлеем в 1679 году, либо Галлей сам искал иллюстратора. Пользуясь им, Ян Гевелий закончил составление и иллюстрацию «Атласа» к 1687 году, а издан был он после смерти Гевелия, его вдовой в 1690 году. Именно по этому «Атласу» и описывал звёздное небо Данте.

Галлей дал определение основных показателей таблицы смертности, исчислил вероятности дожития и кончины для своих современников, ввёл в науку понятие средней продолжительности предстоящей жизни, сформулировал методику регулирования тарифов в страховании жизни при помощи таблицы смертности. Фактически, Галлей явился основателем теории актуарных расчётов в сфере страхования жизни.

Ввёл понятие нормы процента или нормы роста денег в страховании. Форма таблицы смертности Галлея и принципы её построения используются в страховании по сей день.

С именем Эдмунда Галлея связан и коренной перелом в представлениях о кометах. В «Новое время», до Ньютона все считали их чужеродными странниками, лишь пролетающими сквозь Солнечную Систему по незамкнутым параболическим орбитам. После того как в 1680 и 1682 годах появились две яркие кометы, Галлей рассчитал и опубликовал в 1705 году орбиты 24-х комет и обратил внимание на сходство параметров орбит у нескольких из них, наблюдавшихся в XVI–XVII веках, с параметрами кометы 1682 года. Промежутки времени между появлениями этих комет оказались кратными 75—76 годам. В 1716 году он опубликовал подробные расчёты и предсказал, – следующее появление этой кометы должно произойти в конце 1758 года. И действительно, она была обнаружена Иоганном Георгом Паличем 25 декабря 1758 года. Возвращение кометы в предсказанный срок стало первым триумфальным подтверждением теории тяготения Ньютона и прославило имя самого Галлея. Эта комета в наши дни называется «Halley, 1P» или «Кометой Галлея».

В статье 1714 года Галлей сделал весьма смелый вывод, – болиды, до того считавшиеся воспламенён-

ными земными испарениями, являются скорее результатами встречи Земли со случайными сгустками космической межпланетной материи. Эта идея вдохновила более поздних исследователей и среди них – немецкого астрофизика Эрнста Хладни (1756—1827 годы), родоначальника научной космической теории метеоритов и болидов.

В 1718 году Галлей впервые показал условность традиционного названия «неподвижные звёзды». Чтобы уточнить постоянную прецессии, он сравнил современные ему каталоги звёзд с античными, и прежде всего с каталогом *Гиппарха* из «*Альмагеста*» *Птолемея*. На фоне однородной картины закономерного смещения всех звёзд Галлей обнаружил удивительный факт: «Три звезды, – Глаз Тельца (Альдебаран), Сириус и Арктур прямо противоречат этому правилу». Так он открыл собственное движение звёзд. Оно получило окончательное признание в 70-е годы XVIII века, после измерения Немецким астрономом Тобиасом Майером (1723—1762 годы) и Английским астрономом Невилом Маскелайном (1732—1811 годы) собственных движений десятков звёзд.

Галлей стал первым, кто привлёк внимание астрономов к совершенно загадочному тогда объекту – туманностям. В статье 1715 года он утверждал, – это самосветящиеся космические объекты (а не уплотне-

ния небесной тверди, отражающие Солнечный свет, как допускали многие). Учёный также сделал и далеко идущее заключение, – таких объектов во Вселенной, «без сомнения», много больше и «они не могут не занимать огромных пространств, быть может, не менее чем вся наша Солнечная Система».

В 1721 году Галлей высказал идею, получившую в космологии наименование «фотометрического парадокса», – если пространство Вселенной содержит бесконечное количество звёзд, то ночное небо не может быть чёрным, а должно светиться целиком. Формулировка Галлея, однако, была не совсем правильной, он полагал, – яркость этого свечения должна быть как у Млечного Пути, но на самом деле она должна быть гораздо больше, равной яркости поверхности Солнца, как позднее установил Шезо.

Значит ли это, что число светящихся объектов в бесконечной Вселенной не бесконечно? В основе «фотометрического парадокса» лежит предположение, – частица света (фотон) при движении со скоростью света не теряет спектра светимости, вплоть до пробега бесконечного расстояния. Основываясь на этом предположении, учёные, обнаружив «красное смещение» спектров света галактик, увеличивающееся с увеличением расстояния до них, создали абсурдные теории: «расширяющейся Вселенной» и: «Большого Взрыва», понимая «красное смещение» спектра света, как следствие

ускорения удаления от нашей галактики других галактик. Однако, наиболее вероятным было бы предположение, – частица света (фотон) при пробеге постепенно теряет энергию, смещаясь в сторону красного спектра, вплоть до перехода в невидимую часть спектра. Тогда галактики оказываются на более-менее постоянном расстоянии от Солнечной Системы, что и должно быть в бесконечной Вселенной. Теории же: «расширяющейся Вселенной» и: «Большого Взрыва» следует объявить такими же заблуждениями человека, как и: «Геоцентрическую Систему Мироздания», в которой человек ощущал себя: «Пупом Земли», или: «Центром Вселенной», если угодно.

Научные заслуги Эдмунда Галлея были признаны ещё при жизни. С 1703 года он возглавил кафедру геометрии Оксфордского университета, с 1713 года являлся учёным секретарём «Лондонского королевского общества», с 1720 года – Королевским астрономом-директором Гринвичской обсерватории (которую за свой счёт заново оборудовал инструментами). Галлей был избран иностранным членом Парижской академии наук.

Умер Эдмунд Галлей в Гринвиче 14 (25) января 1742 года. Имя его увековечено в названиях знаменитой кометы, кратеров на Луне и на Марсе.

Позвольте, – скажет любознательный читатель, – а как же «Звёздный вестник», изданный Галилеем во Фло-

ренции в 1610 году? Как же его открытие гор на Луне, поразительное открытие им 4-х спутников Юпитера в том же году? И многие другие достижения, зафиксированные печатными изданиями, где он зачастую излагал их в задиристо-полюемическом стиле, чем нажил немало новых врагов (в частности, среди иезуитов). Как же его открытие фаз Венеры, пятен на Солнце и т.п.?

Напомним читателю, – многим также известно Венецианское издание «Комедии» 1557 года и другие ранние издания Данте. Проясним обстановку того времени:

Стараниями папской католической Церкви и «Священной Римской империи германской нации» была искусственно организована «чёрная дыра» в истории в 25 столетий! Это породило гигантский спрос на «древние первоисточники», чтобы заполнить её. Каждый, мало-мальски держащий перо в руках, каковы были *Тит Ливий*, *Геродот* и другие, коим несть числа, принялись строчить псевдодревние тексты, – ничего личного, просто бизнес. Этот процесс продолжается и в настоящем времени, например, открытием «*Кумранских рукописей*» и т. п. Одним из первых авторов, задавшим общий тон, был Вергилий = апостол Андрей Первозванный = папа Пий «II» (1405—1464 годы). По той же схеме действовал и Данте = Пётр II = папа Пий «VI» (1715—1816 годы).

Естественно, этот процесс, как гигантская воронка втягивал в себя учёных, которым необходимо было опубликовать

свои исследования, не навлекая на себя внимания инквизиции. Выход был прост, как всё гениальное:

Например, Эдмунд Галлей ставил на обложке своего произведения не очень-то и вымышленное имя, добавив всего одну букву и повторив его, – Галилей Галилео и, указав год издания, – 1610, спокойно публиковал свои труды во Флоренции, в которых мог и посмеяться над другими вымышленными учёными. Книга с такой датой на обложке мгновенно обретала популярность и расходилась большими тиражами, принося прибыль автору и издательству, так что все были в выигрыше. Потом можно было описывать и суд над Галилеем, а позже и ссылаться на него в своих трудах (мол, это было задолго до меня).

Или Пётр II отправлял в Венецианскую типографию первый вариант «Комедии», в котором многие его современники могли узнать себя, под псевдонимом Данте, указав на обложке дату – 1557 год, уходя от узнавания и ударов критики, а то и мести. Так появлялся очередной шедевр-раритет. По той же схеме работали и Петрарка, и Боккаччо, да и все прочие, – спрос рождал предложение.

Однако, при этом многие великие произведения великих людей благополучно дошли до наших дней, избежав костров инквизиции, – по ним оказалось возможным восстановить ход мировой истории от самого ХАОСА!

Казалось мне – нас облаком накрыло,

Прозрачным, гладким, крепким и густым,
Как адамант, что Солнце поразило. 33

И этот жемчуг, вечно нерушим,
Нас внутрь воспринял, как вода – луч света,
Не поступаясь веществом своим. 36

Путешественники не встали на Луну, как на твёрдое тело (не оставили на ней своих следов). Их погружение в недра Луны и других планет было чисто мысленным. Луна накрыла их, как облако, точнее, как вода – луч света, не расступаясь перед ним. Сравнение идёт с сиянием бриллианта, попавшего на свет Солнца, и с жемчугом, через который просвечивает Солнце. Эти воззрения были известны поэту из древних источников, хотя уже *Плутарх*, в своей работе: «О лике, видимом на диске Луны», пришёл к выводу о тождественности природы Луны и Земли.

Данте воспользовался этим приёмом сознательно, подчёркивая, – рассуждения о природе планет и звёзд не являются предметом «Комедии». Небесная лестница планет, доходящая до звёзд, нужна была ему исключительно для иллюстрации земной истории в её великих ключевых персонажах, так же, как круги Ада и Чистилища; только на ней будут располагаться не грешники, а святые.

Коль я был телом, и тогда, – хоть это
Постичь нельзя, – объём вошёл в объём,

Что должно быть, раз тело в тело вдето, 39

То жажда в нас должна вспылать огнём
Увидеть Сущность, где непостижимо
Природа наша слита с Божеством. 42

Там то, во что мы верим, станет зримо,
Самопонятно без иных мерил;
Так – первоистина неоспорима. 45

Что может проникнуть в физическое тело, не изменив его? Даже свет Солнца, падающий на Луну, либо попадающий в чистую воду, изменяет их свойства – температуру, светимость, видимость, хотя кажется, – вода, например, воспринимает луч света без движения и без ущерба для себя. Не изменяет свойств предмета только мысль, силой которой Данте и Беатриче возносились сквозь небесные Сферы. Жажда познать сущность явлений очень сильна у мыслящего человека. Постичь явление, не слившись с ним, как с Божеством, в те времена считалось невозможным, да это невозможно и для современного человека. Смертные люди живут заблуждениями. Много ли мы сегодня знаем о природе Солнца, планет и звёзд?

Я молвил: «Госпожа, всей мерой сил
Благодарю Того, Кто благодатно
Меня от смертных стран отъединил. 48

Но что, скажите, означают пятна
На этом теле, вид которых нам
О Каине даёт твердить превратно?» 51

Поэт обратился к Беатриче, благодаря её за науку, спрашивая: «Какова природа лунных пятен?». Он благодарил Создателя, который отъединил его от смертных стран, ведь: «Ничто не вечно под Луной, выше которой всё вечно».

Народная фантазия видела в лунных пятнах фигуру Каина с вязанкой хвороста [Рис. Р. II.1].

Р. II.1 Вид полной Луны в телескоп, снабжённый свето-фильтрами.

Луна – единственное небесное тело, неоднородная поверхность которого видна невооружённым глазом. Народная фантазия видела на Луне фигурку Каина, несущего хворост. *Плутарх*, рассуждая о природе пятен на поверхности Луны, объяснял их разной «скважностью» планеты, не подразумевая, что она является небесным твёрдым телом. Считалось, – Луна = «скважина» на хрустальной Сфере, через которую

к нам доходит слабый свет Эмпирея.

Тогда она с улыбкой: «Если там
Сужденья смертных ложны», – мне сказала:
«Где не прибегнуть к чувственным ключам, 54

Взирай на это, отстраняя жало
Стрел удивленья, раз и чувствам вслед,
Как видишь, разум воспаряет вяло. 57

А сам ты мыслишь как?» И я в ответ:
«Я вижу этой разности причину
В том, скважен ли, иль плотен сам предмет». 60

«Мысль человеческая есть ложь», – сказала Беатриче, – если не можешь прибегнуть к своим чувствам, смотри на неё, избегая удивления и руководствуясь только доводами разума. Она с улыбкой спросила поэта, – что он сам думает по этому поводу?

Данте ответил, – он видит этой разности причину (чередование светлых и тёмных пространств на поверхности Луны), следуя *Аверроэсу* и *Плутарху*, разной степенью плотности отдельных частей Лунного шара. Более плотные части лучше отражают Солнечный свет, либо пропускают свет Эмпирея, чем более скважные (дырявые, разрежённые). Он не мог обойтись только декларацией эфемерного состава Луны и планет, поэтому, в диалоге с Беатриче, раскрывал на-

учные воззрения учёных своего времени – XVIII века на их природу.

Она же мне: «Как мысль твоя в пучину
Неистинного канет, сам взгляни,
Когда мой довод я навстречу двину. 63

Восьмая твердь являет вам огни,
И многолики, при числе несчётном,
Количеством и качеством они. 66

Она опровергла это мнение как ошибочное, приводя в пример восьмую Твердь = звёздное небо. Звёзды многолики количеством и качеством, имеют не только разную яркость, но и разный спектр свечения, что невозможно объяснить скважностью и плотностью, если считать их освещёнными только светом Эмпирея, который для всех и для всего един.

Будь здесь причина в скважном или плотном,
То свойство было бы у всех одно,
Делясь неравно в сонме быстролётном. 69

Различье свойств различьем рождено
Существенных начал, а по ответу,
Что ты даёшь, начало всех равно. 72

Свойство у всех светил восьмой Тверди = Сферы звёзд,

кажется, всего одно, но, чего стоит только разнообразие цвета звёзд. Скважность или плотность – причина, не удовлетворяющая пытливым ум, так как она отвергает огромное многообразие других причин. Различие свойств Сферы звёзд порождается не скважностью или плотностью, а различием «существенных начал» – (*principium formale*) – термин схоластической философии, означающий то, что придаёт телам их отличительные особенности и свойства.

И сверх того, будь сумрачному цвету
Причиной скважность, то или насквозь
Неплотное пронзало бы планету, 75

Или, как в теле рядом ужилося
Худое с толстым, так и тут примерно
Листы бы ей перемежать пришлось. 78

Если сумрачному свету причиной была бы скважность, то эта неплотность пронизала бы планету насквозь, и тогда пришлось бы признать планету не сплошной, а слоистой, с промежутками между слоями.

О первом бы гласили достоверно
Затмения Солнца: свет сквозил бы здесь,
Как через всё, что скважно и пещерно. 81

Так не бывает. Вслед за этим взвесь
Со мной второе; и его сменяя,

Я домysl твой опровергаю весь. 84

Это можно наблюдать при затмениях Солнца, когда Луна загораживает собой Солнце. При наличии скважности Луны, свет бы проникал сквозь неё, но мы этого не наблюдаем.

Коль скоро эта скважность – не сквозная,
То есть предел, откуда вглубь лежит
Её противность, дальше не пуская. 87

Отсюда чуждый луч назад бежит,
Как свет, отосланный обратно в око
Стеклом, когда за ним свинец укрывает. 90

Так что скважность планет не сквозная. Если же представлять себе скважность, как смесь толстых и тонких листов, то и это не могло бы объяснить пятен на Луне, так как свет, дойдя до дна, отразился бы, и вернулся обратно неизменным. Это очень наивное рассуждение, но куда более прогрессивное, чем понятие скважности.

До изобретения способа изготовления зеркал путём покрытия стекла серебряной амальгамой, стекло покрывали расплавленным свинцом, получая свинцовое зеркало, так же хорошо отражающее свет, но менее долговечное.

Ты скажешь мне, что луч, войдя глубоко,
Здесь кажется темнее, чем вокруг,
Затем что отразился издалёка. 93

Чтоб этот довод рухнул так же вдруг,
Тебе бы опыт сделать не мешало;
Ведь он для вас – источник всех наук. 96

Следующий довод, выдвигаемый ею в споре, касался довода изменения силы света расстоянием. Для опровержения его, она предложила поэту сделать следующий опыт, – источник всех наук.

Возьми три зеркала, и два сначала
Равно отставь, а третье вдаль попятъ,
Чтобы твой взгляд оно меж них встречало. 99

К ним обратясь, свет за спиной приладь,
Чтоб он все три зажёт, как строй светилен,
И ото всех шёл на тебя опять. 102

Хоть по количеству не столь обилен
Далёкий блеск, он яркостью своей
Другим, как ты увидишь, равносилен. 105

Теперь, как под ударами лучей
Основа снега зрится обнажённой
От холода и цвета прежних дней, 108

Таков и ты, и мысли обновлённой
Я свет хочу пролить такой живой,
Что он в глазах дрожит, воспламенённый. 111

Основная мысль наивного опыта, – если количественную характеристику света – яркость ещё можно объяснять скважностью или плотностью, то качественную характеристику – разность цветового спектра объяснить этим уже нельзя.

Итак, – сказала Беатриче, – теперь, когда твоя мысль освободилась от холода и цвета прежних дней, как освобождается и обновляется земля от тающего снега под ударами лучей Солнца, ты готов уже воспринять живой цвет истины, который дрожит, воспламенённый в твоих глазах.

На дворе месяц май, яркое Солнце которого доедало последние островки снега, размораживало и согревало Землю, покрывая её пёстрым ковром весенних цветов.

Под небом, где Божественный покой,
Кружится тело некое, чья сила
Всё то, что в нём, наполнила собой. 114

Твердь вслед за ним, где столькие светила,
Её распределяет естествам,
Которые, не слив с собой, вместила. 117

Так поступает к остальным кругам
Премного свойств, которые они же
Приспособляют к целям и корням. 120

Под небом неподвижных звёзд, где Божественный по-

кой, внутри неподвижного Эмпирея находится Сфера звёзд, в центре которой кружится тело некое – наше Солнце, чья сила притяжения заполняет всю Солнечную Систему. Вслед за ним естественным образом расположены планеты Солнечной Системы, которые Сфера звёзд = восьмая твердь – вмещает в себя, не сливая с собой, поэтому планеты движутся относительно неподвижных звёзд. Каждое небо (круг) приспособляет свойства, полученные им от выше лежащих небес, к своим целям и воздействует на причины (корни) явлений. Так связаны все Сферы Мира.

Среди этих рассуждений можно выделить главное, – Беатриче говорила о твёрдых телах, которые кружатся под неподвижным звёздным небом – планетах Солнечной Системы. К планетам, представляющим собою твёрдые тела, она отнесла и Луну.

Строй членов Мира, как, всмотревшись ближе,
Увидел ты, уступами идёт
И, сверху взяв, потом вручает ниже. 123

Следи за тем, как здесь мой шаг ведёт
К познанию истин, для тебя бесценных,
Чтоб знать потом, где пролегает брод. 126

Строй членов Мира начинается от некоего «Перводвигателя (Эмпирея)» – и потом, как бы ступенями спускается

вниз. Очень хорошая иллюстрация «Гелиоцентрической системы», где всё начинается от нашей звезды – Солнца, как от вершины, и спускается вниз, к планетам. Теми же шагами шло и познание человеком истины. Не познавший истины, подобен человеку, который не знает, где пролегает брод через бурную реку.

Исходят бег и мощь кругов священных,
Какковка от умеющих ковать,
От движителей неких блаженных. 129

И небо, где светил не сосчитать,
Глубокой мудрости, его кружащей,
Есть повторённый образ и печать. 132

Небо есть повторённый неисчислимо раз образ Солнечной Системы и печать глубокой мудрости; оно движется некими блаженными (непознанными пока) движителями. Чтобы их постичь, нужно понять, – ковать можно, только научившись этому ремеслу – распознавать законы Мироздания.

И как душа, под перстью преходящей,
В разнообразных членах растворясь,
Их направляет к цели надлежащей, 135

Так этот разум, дробно расточась
По многим звёздам, благость изливает,

Вокруг единства своего кружась. 138

И каждая из разных сил вступает
В связь с драгоценным телом, где она,
Как в людях жизнь, по-разному мерцает. 141

Высший разум, расточась по звёздам, как бы невидимой
рукой направляет каждую из них к надлежащей цели, кру-
жась вокруг своего единства. Каждая из движущих сил всту-
пает в связь со своей звездой и поэтому мерцает по-своему,
как в каждом человеке мерцает по-своему жизнь. Так же раз-
нообразно мерцают перед нами планеты Солнечной Систе-
мы.

Ликующей природой рождена,
Влитая сила светится сквозь тело,
Как радость сквозь зрачок излучена. 144

В ней – ключ к тому, чтоб разное блестело
По-разному, не в плотности отнюдь:
В ней – то начало, что творит всецело,
По мере благодати, и блеск и муть». 148

Строй членов Мира – звёзд и планет устроен кругами
и приводится в движение движителями некими блаженны-
ми – «Законом Всемирного Тяготения» и другими закона-
ми. И всё звёздное небо, где светил не сосчитать, подчиняет-
ся тем же законам. Все тела вступают во взаимодействие по-

средством единых сил и причин, но ликующая природа вли-
той силой светится сквозь них. В Солнечной Системе эта си-
ла светится из нашего Солнца, в которое влита. Небо в своей
великой мудрости расточает разум по многим звёздам. Это –
ключ, – каждое светило блестит по-разному. Блеск зависит
от начала, его производящего (от благости вызывающей его
силы), поэтому, по мере благости, каждому светилу соответ-
ствует своя яркость и свой цвет (свой блеск и своя мутность).
Так сказала Беатриче.

Сегодня эти рассуждения, при всей своей наивности,
не утратили актуальности. Век XVIII по праву можно назвать
веком открытия Космоса. Наблюдения в телескоп, позволя-
ющие увидеть планеты в форме диска, открытие собствен-
ного движения Солнца и пятен на нём, открытие спутников
планет, наблюдение прохождения Венеры по диску Солнца,
наконец, открытие новой, восьмой планеты Солнечной Си-
стемы, Урана с двумя его спутниками, «Гелиоцентрическая
система мира» – всё это достижения именно XVIII века, хо-
тя ряд этих достижений по экономическим и политическим
соображениям был перенесён на бумаге в предыдущие века,
вместе с инквизиционными процессами над великими учё-
ными.

Рай – Песня III

Первое небо – Луна (продолжение). – Нарушители обета. Данте встречает на Луне свою невесту.

То Солнце, что зажгло мне грудь любовью,
Открыло мне прекрасной правды лик,
Прибегнув к доводам и прекословью; 3

И, торопясь признать, что я постиг
И убеждён, я, сколько подобало,
Лицо для речи поднял в тот же миг. 6

Поэт восторгается Беатриче, называя её Солнцем, что зажгло его грудь любовью, хваля её доводы и аргументы, открывающие для него прекрасный лик правды. Он, торопясь признать, – всё понял из этой лекции, поднял лицо и глаза для ответа, сколько подобало ученику.

Но предо мной видение предстало
И к созерцанью так меня влекло,
Что речь забылась и не прозвучала. 9

Как чистое, прозрачное стекло

Иль ясных вод спокойное течение,
Где дно от глаз неглубоко ушло, 12

Нам возвращают наше отраженье
Столь бледным, что жемчужину скорей
На белизне чела отыщет зренье, – 15

Такой увидел я чреду теней,
Беседы ждавших; тут я обманулся
Иначе, чем влюбившийся в ручей. 18

Как только взором я до них коснулся,
Я счёл их отраженьем лиц людских
И, чтоб взглянуть, кто это, обернулся; 21

Перед поднятым взором Данте, в глубине Луны вдруг предстали видения, на которые так хотелось смотреть, что он не начал заготовленной речи. Он увидел, как в чистом, прозрачном стекле или в ясной воде, бледные отражения теней, ждущих беседы. Он подумал, – перед ним лишь отражения и обернулся, желая увидеть того, кто отразился в глубине Луны.

Нарцисс (влюбившийся в ручей, вернее, в своё отражение в воде ручья) пленился им, приняв его за живого юношу. (Метам. III, 346—510).

Поэт приступил к реализации своего замысла, располагая на планетах святые души. На Луне он увидел первые из них,

сочтя их сначала за отражение чьих-то лиц. Он обманывался не так, как Нарцисс, а наоборот, поняв, – это просто отражения.

Вперив глаза в ничто, я вверил их
Вновь свету милой спутницы; с улыбкой,
Она пылала глубиоу глаз святых. 24

Обернувшись, поэт встретился с пылающей глубиоу святых глаз сопровождающей его Беатриче, которая улыбалась ему. После созерцания слабых отражений, он снова утонул в них. Слово святой появилось не случайно, именно о святых пойдёт речь дальше.

Какие глаза для поэта святые? Глаза его возлюбленной!

«Что я смеюсь над детскою ошибкой», —
Она сказала: «Странного в том нет:
Не доверяясь правде мыслью зыбкой, 27

Ты вновь пустому обращён вослед.
Твой взор живые сущности встречает:
Здесь место тех, кто преступил обет. 30

Беатриче, смеясь над мыслями поэта, как над детскими заблуждениями, предложила ему спросить живые сущности, которые он увидел в глубине Луны и сообщила, – здесь место тех, кто преступил обет. Она говорила о живых сущно-

стях, а не о душах, подчёркивая, — Данте видел перед собой отражение живущего на тот момент человека.

Как душа живого человека может попасть в небесный Рай? Ответ будет дан вскоре.

Спроси их, слушай, верь; их утоляет
Свет вечной правды, и ни шаг он
Им от себя ступить не позволяет». 33

И я, к одной из теней обращён,
Чья жажда говорить была мне зрима,
Сказал, как тот, кто хочет и смущён: 36

«Блаженная душа, ты, что, хранима
Все вечным Светом, знаешь благодать,
Чья сладость лишь вкусившим постижима, 39

Я был бы счастлив от тебя узнать,
Как ты зовёшься и о вашей доле».
Та, с ясным взором, рада отвечать: 42

Беатриче посоветовала поэту спросить отражения, которые он видел, так как их утоляет свет вечной правды. Он выбрал из теней одну, кажущуюся ему наиболее знакомой, знающую его, горящую жаждой поговорить с ним; обратился к ней, желая узнать её долю. Тень ясным взором показала, — она рада отвечать ему.

«У нас любовь ничьей правдивой воле
Дверь не замкнёт, уподобляясь Той,
Что ждёт подобных при Своём престоле. 45

Была я в мире девственной сестрой;
И, в память заглянув проникновенно,
Под большею моею красотой 48

Пиккарду ты узнаешь, несомненно.
Среди блаженных этих вокруг меня
Я в самой медленной из Сфер блаженна. 51

Желанья наши, нас воспламеня
Служеньем воле Духа пресвятого,
Ликуют здесь, Его завет храня. 54

И наш удел, столь низменной иного,
Нам дан за то, что нами был забыт
Земной обет и не бжолся сурово». 57

Уподобляясь Непорочной Деве, которая в своей неизреченной любви желает, чтобы все обитатели небесного царства были подобны ей, тень дала обет девственности. Поэт встретил свою бывшую невесту – сестру встреченного им в Чистилище фаворита, Форезе = Ивана Алексеевича Долгорукова (1708—1739 годы), о которой тот говорил с ним. Она назвала себя Пиккардой, преступившей обет, хотя и не по своей воле; девственницей, посвятившей се-

бя Христу, поэтому она и блаженствует в самой медленной из Сфер – Луне. Екатерина Алексеевна Долгорукова (1712—1747 годы) [Рис. Р. III.1] была выдана замуж (преступила обет, хотя и не по своей воле), но вскоре простудилась и умерла.

Р. III.1 Екатерина Алексеевна Долгорукова (1712—1747 годы), невеста императора Петра II, несостоявшая императрица Екатерина III (хозяйка стада).

У Данте изображена, как Пиккарда, сестра Форезе (Ивана Долгорукова, фаворита Петра II). Красавица высокого роста, после «смерти» императора, была отправлена в ссылку со всей семьёй. Императрица Елизавета Петровна возвратила её из ссылки и сделала фрейлиной. Хранила верность Петру II, живя в монастыре. В 1745 году была выдана замуж против её воли, вскоре умерла. Данте поместил её на Луне – нижней Сфере Небесного Рая.

Екатерина Алексеевна Долгорукова (1712—1747 годы)³ – княжна, дочь князя Алексея Григорьевича Долгорукова, **невеста императора Петра II, несостоявшаяся императрица России «хозяйка стада».**

Воспитывалась вместе с братом своим Иваном в Варшаве в доме деда Григория Фёдоровича. Подчиняясь приказанию отца, княжна Екатерина согласилась выйти замуж за императора Петра II, тогда как питала страстную любовь к шурина австрийского посла графа Вратислава, графу Мелиссимо, и взаимно была им любима. **19 ноября 1729 года она была объявлена невестой четырнадцатилетнего императора, а 30 ноября состоялось их торжественное обручение, причём ей был дан титул «Её высочества государыни-невесты».** На другой день после обручения она переехала на жительство в Головинский дворец, а граф Мелиссимо был отправлен за границу.

³ https://ru.wikipedia.org/wiki/Долгорукова,_Екатерина_Алексеевна

Однако женой Петра II Екатерина так и не стала – за две недели до свадьбы, в январе 1730 года Пётр II *заболел и умер*. Долгоруковы подготовили поддельное завещание в пользу «государыни-невесты», но не рискнули его предъявить.

После *кончины* Петра II княжна Екатерина вернулась в дом родителей и вместе с ними, по вступлении на престол императрицы Анны Ивановны, в апреле 1730 года была сослана в Берёзов. Она послужила невольной причиной новых бедствий своей семьи.

В 1740 году она была перевезена в Томск и заточена в Томском Христорождественском монастыре, где содержалась в самом строгом заключении почти год. **Императрица Елизавета приказала освободить её и пожаловала ей звание фрейлины.** В 1745 году её выдали замуж за генерал-поручика графа А. Р. Брюса, но вскоре она простудилась и умерла. По некоторым сведениям, похоронена в ограде Андреевского собора.

Пиккарда в 1743 году была ещё жива, поэтому Беатриче сказала, – Данте видел в Луне отражения живых ещё людей. Он, прибыв в 1743 году в Санкт-Петербург, встретил там свою бывшую невесту – фрейлину императрицы Елизаветы Петровны, но пережил её намного, поселив в Небесном Раю своей памяти.

Пиккарда назвала Луну самой медленной из Сфер и это утверждение необходимо понять.

Как человек мог оценить скорость движения небесных объектов до Галлея и Ньютона? Наблюдая видимое обращение Солнца вокруг «неподвижной» Земли, первый вывод, к которому приходишь, – Солнце делает один оборот вокруг Земли за 24 часа, точнее, один оборот Солнца разбит человеком на 24 равных отрезка, называемых часами. Сфера звёзд «опережает» Солнце на один оборот за год и является, с этой точки зрения, самой быстрой из небесных Сфер (Солнце и планеты движутся относительно неподвижных звёзд, в сторону, противоположную направлению вращению звёздного неба).

С этой точки зрения, Сатурн «отстаёт» от вращения Сферы звёзд на один оборот за 29,46 лет, Юпитер за 11,86 лет, Марс за 1,88 лет, Солнце за один год, а Луна за 27,322 дня, поэтому, Луну можно назвать самой медленной планетой «Геоцентрической системы».

Парадоксы Луны на этом не заканчиваются. Ближайшая к Земле планета преподнесла сюрприз, смутивший умы человечества, породивший жаркие и кровавые споры о месте Земли во Вселенной.

«Вращается ли Земля вокруг оси?» – вопрос, решение которого революционизирует мировоззрение человека. В самом деле, на первый взгляд, неподвижность Земли ясна каждому человеку, «стопа которого давит на земную грудь». А крылатое выражение: «Земля уходит из-под ног», ярко иллюстрирует ощущения, когда начинаешь представлять, –

Земля вертится вокруг оси. Учёные, осмелившиеся утверждать: «Земля вертится», сгорали на кострах инквизиции, вместе со своими трудами. Одним из главных аргументов учёных, отстаивающих неподвижность Земли, стала видимая «неподвижность» Луны.

«Вращается ли Луна вокруг оси?» – вопрос, который и сегодня практически неподъёмен для сознания большинства людей. Каждую ночь мы можем видеть Луну, неизменно обращённую к Земле одной и той же стороной, и это является для многих «неопровержимым» доводом в пользу её неподвижности.

Представьте, как тяжело приходилось на суде инквизиции Джордано Бруно и Эдмунду Галлею (*Галилео Галилею*), а Иоганн Кеплер (*Николай Коперник*), автор «Гелиоцентрической системы мира», в предисловии к знаменитой книге: «О вращении небесных сфер», осторожно писал:

«Принимая в соображение, какой нелепостью должно показаться это учение, я долго не решался напечатать мою книгу и думал, – не лучше ли будет последовать примеру пифагорейцев и других, передававших своё учение лишь друзьям, распространяя его только путём предания».

Таким путём публиковал труды Кеплер.

Иоганн Кеплер (1571—1630 годы)⁴ – немецкий матема-

⁴ https://ru.wikipedia.org/wiki/Кеплер,_Иоганн

тик, астроном, оптик и астролог. Открыл законы движения планет.

Интерес к астрономии появился у Кеплера ещё в детские годы, когда мать показала впечатлительному мальчику яркую комету (1577 года), а позднее – лунное затмение (1580 года).

В 1589 году Кеплер окончил школу при монастыре Маульбронн, обнаружив выдающиеся способности. Городские власти назначили ему стипендию для помощи в дальнейшем обучении.

В 1591 году он поступил в университет в Тюбингене – сначала на факультет искусств, к которым тогда причисляли и математику с астрономией, затем перешёл на теологический факультет. Первоначально, Кеплер планировал стать протестантским священником, но, благодаря незаурядным математическим способностям был приглашён в 1594 году читать лекции по математике в университете города Грац.

В Граце Кеплер провёл 6 лет. Здесь вышла в свет (1596 год) его первая книга «Тайна мира» (*Mysterium Cosmographicum*). В ней Кеплер попытался найти тайную гармонию Вселенной, для чего сопоставлял орбитам пяти известных тогда планет (Сферу Земли он выделял особо) различные «платоновы тела» (правильные многогранники). Орбиту Сатурна он представлял, как круг (ещё не эллипс) на поверхности шара, описанного вокруг куба. В куб в свою очередь был вписан шар, который должен был пред-

ставлять орбиту Юпитера. В этот шар был вписан тетраэдр, описанный вокруг шара, представлявшего орбиту Марса и т. д. Эта работа после дальнейших открытий Кеплера утратила своё первоначальное значение (хотя бы потому, что орбиты планет оказались не круговыми); тем не менее, в наличие скрытой математической гармонии Вселенной Кеплер верил до конца жизни, и в 1621 году переиздал «Тайну мира», внося в ней многочисленные изменения и дополнения.

Книгу «Тайна мира» Кеплер посылал Тихо Браге (1546—1601 годы). Тихо Браге отверг надуманные построения Кеплера, однако высоко оценил его знания, оригинальность мысли и пригласил Кеплера к себе.

Когда в католическом Граце начались гонения на протестантов, Кеплер был занесён в список изгоняемых «еретиков» и вынужден был покинуть город. Он принял приглашение Тихо Браге, который к этому времени переехал в Прагу и служил у императора «Священной Римской империи германской нации» Рудольфа «II» придворным астрономом и астрологом.

В 1600 году Кеплер прибыл в Прагу. Проведённые здесь 10 лет были самым плодотворным периодом его жизни.

Вскоре выяснилось, — взгляды Кеплера на астрономию Тихо Браге разделял лишь отчасти. Чтобы сохранить геоцентризм, Браге предлагал компромиссную модель, — все планеты, кроме Земли, вращаются вокруг Солнца, а Солнце вращается вокруг неподвижной Земли (Гео-гелиоцентрическая

система Мира). Эта теория получила большую известность и в течение нескольких десятилетий являлась основным конкурентом системы Мира Кеплера.

После смерти Браге в 1601 году Кеплер стал его преемником в должности. Казна императора из-за нескончаемых войн была постоянно пуста. Жалованье Кеплеру платили редко и скудно. Он был вынужден подрабатывать составлением гороскопов. Кеплеру пришлось также вести многолетнюю тяжбу с наследниками Тихо Браге, которые пытались отобрать у него, среди прочего имущества покойного, также и результаты астрономических наблюдений. В конце концов, от них удалось откупиться.

В 1604 году Кеплер опубликовал свои наблюдения сверхновой, называемой теперь его именем.

Будучи великолепным наблюдателем, Тихо Браге за много лет составил объёмный труд по наблюдению планет и сотен звёзд, причём точность его измерений была существенно выше, чем у всех предшественников. Для повышения точности Браге применял как технические усовершенствования, так и специальную методику нейтрализации погрешностей наблюдения. Особо ценной явилась систематичность измерений.

На протяжении нескольких лет Кеплер внимательно изучал данные Браге и в результате тщательного анализа пришёл к выводу, – траектория движения Марса представляет собой не круг, а эллипс, в одном

из фокусов которого находится Солнце – положение, известное сегодня как «Первый закон Кеплера».

Дальнейший анализ привёл ко «Второму закону Кеплера», – радиус-вектор, соединяющий планету и Солнце, в равное время описывает равные площади. Это означает, – чем дальше планета от Солнца, тем медленнее она движется.

Оба закона были сформулированы Кеплером в 1609 году в книге «Новая астрономия», причём, осторожности ради, он относил их только к Марсу.

В 1612 году, собрав скудные средства, Кеплер переехал в Линц, где прожил 14 лет. За ним была сохранена должность придворного математика и астронома, но в деле оплаты новый император Матвей был ничем не лучше старого. Некоторый доход приносило преподавание математики и гороскопы.

Тем временем Кеплер продолжал астрономические исследования и в 1618 году открыл «Третий закон Кеплера», – отношение куба среднего удаления планеты от Солнца к квадрату периода обращения её вокруг Солнца есть величина постоянная для всех планет, – $a^3/T^2 = \text{const}$. Этот результат Кеплер опубликовал в завершающей книге «Гармония мира», причём применил его уже не только к Марсу, но и ко всем прочим планетам (включая, естественно, и Землю).

В 1630 году он отправился к императору в Регенсбург,

чтобы получить хотя бы часть жалованья. По дороге сильно простудился и вскоре умер.

Со смертью Кеплера его злоключения не закончились. В конце «Тридцатилетней войны» 1618—1648 годы) было полностью разрушено кладбище, где он похоронен, и от его могилы ничего не осталось. Часть архива Кеплера исчезла.

В 1774 году большую часть архива (18 томов из 22) по рекомендации Леонарда Эйлера (1707—1783 годы) приобрела Петербургская Академия наук, сейчас он хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН.

Открытые Кеплером три закона движения планет полностью и с превосходной точностью объясняют видимую неравномерность этих движений. Вместо многочисленных надуманных эпициклов модель Кеплера включает только одну кривую – эллипс. Вторым закон устанавливает, как меняется скорость планеты при удалении или приближении к Солнцу, а третий позволяет рассчитать эту скорость и период обращения вокруг Солнца.

Неудивительно, – только после открытия трёх законов, Кеплер смог обосновать «Гелиоцентрическую систему мира», в противовес Тихо Браге, причём, для этого ему не понадобился приписываемый ему телескоп, который он по нищете своей не мог бы и приобре-

рести. Хотя он отправил своё открытие на столетие назад, приписав *Копернику*, и упростив его, введя *круговые движения Сфер*, несущих на себе планеты, и особое положение Земли, – только у неё не было эпициклов. У Кеплера же Земля стала рядовой планетой, движение которой подчиняется общим трём законам. Все орбиты небесных тел – эллипсы (движение по гиперболической траектории открыл позднее Ньютон), общим фокусом орбит является Солнце.

Кеплер вывел также «уравнение Кеплера», используемое в астрономии для определения положения небесных тел.

Законы планетной кинематики, открытые Кеплером, послужили позже Ньютону основой для создания теории тяготения. Ньютон математически доказал, – все законы Кеплера являются следствиями: «Закона Всемирного тяготения».

Взгляды Кеплера на устройство Вселенной за пределами Солнечной Системы вытекали из его мистической философии. Солнце он полагал неподвижным, а Сферу звёзд считал границей мира. В бесконечность Вселенной Кеплер не верил и в качестве аргумента предлагал (1610 год) то, что позже получило название: «фотометрический парадокс», – если число звёзд бесконечно, то в любом направлении взгляд должен наткнуться на звезду, и на небе не должно существовать

тёмных участков.

Законы Кеплера соединяют в себе ясность, простоту и вычислительную мощь, хотя мистическая форма его системы мира основательно засоряла реальную суть великих открытий Кеплера. Тем не менее, уже современники Кеплера убедились в точности новых законов, хотя их глубинный смысл до Ньютона оставался непонятным. **Никаких попыток реанимировать «модель Птолемея» или предложить иную систему движения, кроме «Гелиоцентрической», больше не предпринималось.**

Кеплер стал автором первого обширного (в трёх томах) изложения *коперниканской астрономии* (*Epitome astronomia Copernicanae*, 1617—1622 годы), выдающее его, как автора, которое немедленно удостоилось чести попасть в «Индекс запрещённых книг». В эту книгу, свой главный труд, Кеплер включил описание всех своих открытий в астрономии.

Летом 1627 года Кеплер после 22 лет трудов опубликовал (за свой счёт) астрономические таблицы, которые в честь императора назвал «Рудольфовыми». Спрос на них был огромен, так как все прежние таблицы давно расходились с наблюдениями. Немаловажно, – труд впервые включал удобные для расчётов таблицы логарифмов. **Кеплеровы таблицы служили астрономам и морякам вплоть до начала XIX века.**

Через год после смерти Кеплера, астроном Пьер Гассенди

(1592—1655 годы), наблюдал предсказанное им прохождение Меркурия по диску Солнца. В 1665 году итальянский физик и астроном Джованни Альфонсо Борелли опубликовал книгу, где законы Кеплера применялись к открытым Галилеем спутникам Юпитера.

Не верьте датам на обложках книг! Прохождение Меркурия по диску Солнца, тем более спутники Юпитера нельзя было наблюдать до изобретения телескопа. В указанные годы телескоп не был ещё изобретён. Об этом ясно говорят наблюдения прохождения Венеры по диску Солнца, выполненные великим Михаилом Ломоносовым в 1761 году, а ему принадлежит и приоритет в подобных наблюдениях. Вряд ли раньше кто-то мог наблюдать прохождение еле заметного Меркурия по диску Солнца.

Кеплер находил способ определения объёмов разнообразных тел вращения, который описал в книге «Новая стереометрия винных бочек» (1615 год). Предложенный им метод содержал первые элементы интегрального исчисления. Позднее Кавальери использовал тот же подход для разработки исключительно плодотворного «метода неделимых». Завершением этого процесса стало открытие математического анализа.

В ходе астрономических исследований Кеплер внёс вклад в теорию конических сечений. Он составил од-

ну из первых таблиц логарифмов.

У Кеплера впервые встречается термин «среднее арифметическое».

Кеплер вошёл и в историю проективной геометрии: он впервые ввёл важнейшее понятие бесконечно удалённой точки. Он же ввёл понятие фокуса конического сечения и рассматривал проективные преобразования конических сечений, в том числе меняющие их тип – например, переводящие эллипс в гиперболу.

Именно Кеплер ввёл в физику термин, – «инерция», как прирождённое свойство тел сопротивляться приложенной внешней силе. Заодно он сформулировал в ясном виде: «Первый закон механики», – всякое тело, на которое не действуют иные тела, находится в покое или совершает равномерное прямолинейное движение.

Кеплер вплотную подошёл к открытию закона тяготения, хотя и не пытался выразить его математически. Он писал в книге: «Новая астрономия», – в природе существует «взаимное телесное стремление сходных (родственных) тел к единству или соединению». Источником этой силы, по его мнению, являлся магнетизм в сочетании с вращением Солнца и планет вокруг своей оси.

В другой книге Кеплер уточнял:

Гравитацию я определяю, как силу, подобную магнетизму – взаимному притяжению. Сила притяжения тем больше,

чем оба тела ближе одно к другому.

Правда, Кеплер ошибочно полагал, — эта сила распространяется только в плоскости эклиптики. Видимо, он считал, — сила притяжения обратно пропорциональна расстоянию (а не квадрату расстояния); впрочем, его формулировки недостаточно ясны.

Кеплер первый, почти на сто лет раньше Ньютона, выдвинул гипотезу, — причиной приливов является воздействие Луны на верхние слои океанов.

В 1604 году Кеплер издал содержательный трактат по оптике «Дополнения к Вителлию», а в 1611 году — ещё одну книгу, «Диоптрика». С этих трудов начинается история оптики как науки. В этих сочинениях Кеплер подробно излагает как геометрическую, так и физиологическую оптику. Он описывает преломление света, рефракцию и понятие оптического изображения, общую теорию линз и их систем. Вводит термины «оптическая ось» и «мениск», впервые формулирует закон падения освещённости обратно пропорционально квадрату расстояния до источника света. Впервые описывает явление полного внутреннего отражения света при переходе в менее плотную среду. Всё это послужило впоследствии основой для изобретения телескопа.

Описанный им физиологический механизм зрения, с современных позиций принципиально верен.

Кеплер выяснил роль хрусталика, верно описал причины близорукости и дальновзоркости.

Опережал Кеплер Ньютона на 100 лет, или указанные расхождения во времени жизни объясняются расхождениями, подобными «сдвигу Данте», это большой вопрос. **Время жизни великого Кеплера также, возможно, нуждается в уточнении. Но все его открытия и законы укладываются в астрономию измерительную, а не наблюдательную, с применением телескопа. Ему не приписывается ни одного астрономического открытия.**

Как Луна, при всей своей видимой «неподвижности», вращается вокруг оси, так и все космические объекты имеют собственное вращение, не исключая Землю. Прямое подтверждение этого факта получил уже Галлей, обнаружив, с помощью телескопа, собственное вращение Солнца вокруг оси, собственные вращения других крупных планет, равно, как и наличие у них спутников, подобных нашей Луне.

И я на то: «Ваш небывалый вид
Блестит так божественно и чудно,
Что он с начальным обликом не слит. 60

Здесь память мне могла служить лишь скудно;
Но помощь мне твои слова несут,
И мне узнать тебя теперь нетрудно. 63

Но расскажи: вы все, кто счастлив тут,

Взыскуете ли высшего предела,
Где большой кругозор и дружба ждут?» 66

Поэт, обратив внимание на божественный и чудный вид Пиккарды, сообщил, – он узнал её по словам, хотя она и сильно изменилась, и спросил: «Взыскуют ли души, находящиеся с нею в самой нижней из небесных Сфер, высшего предела, где ждут большой кругозор и дружба?».

С другими улыбаясь, тень глядела
И, радостно откликнувшись потом,
Как бы любовью первой пламенела: 69

«Брат, нашу волю утолил во всём
Закон любви, лишь то желать велящей,
Что есть у нас, не мысля об ином. 72

Когда б мы славы восхотели вящей,
Пришлось бы нашу волю разлучить
С верховной Волей, нас внизу держащей, – 75

Чего не может в этих Сферах быть,
Раз пребывать в любви для нас necesse
И если смысл её установить. 78

Ведь тем-то и блаженно наше esse,
Что Божья воля руководит им
И наша с нею не в противовесе. 81

И так как в этом царстве мы стоим
По ступеням, то счастливы народы
И Царь, чью Волю вольно мы вершим; 84

Она – наш мир; она – морские воды,
Куда течёт всё, что творит она,
И всё, что создано трудом природы». 87

Ответ тени благоразумен: «Закон любви велит нам желать только то, что у нас есть, а желать большего – входить в противоречие с волей Творца». Тени здесь счастливы, стоя на своей ступени и славя Царя, чью волю они вольно вершат. «Necesse = необходимо» (латинский термин схоластической философии). «Esse = бытие» (латинский термин, как и предыдущий). В речи Пиккарды, Данте выразил своё отношение к монархии, в которой царь является помазанником Божиим и творит Его волю. Управляемый им народ должен быть счастлив, находясь в иерархии на своей ступени, вольно верша волю своего царя, которая создала для него мир, подобный морским водам, в которые впадает и наполняет его воля и труд подданных, – труд покорённой человеком природы.

Тут я постиг, что всякая страна
На небе – Рай, хоть в разной мере, ибо
Неравно милостью орошена. 90

Но как, из блюд вкусив какого-либо,
Мы следующих просим иногда,
За съеденное говоря спасибо, 93

Так поступил и молвил я тогда,
Дабы услышать, на какой же ткани
Её челнок не довершил труда. 96

Поэт из слов Пиккарды постиг, – на небесах любая обитель – Рай, хотя и неравно орошена милостью Божьей. Но, желая услышать и огласить более точный ответ, он спросил её: «На какой же ткани твой челнок не совершил труда?» – чего же она не совершила, чтобы удостоиться более высокой славы?

«Жену высокой жизни и деяний», —
Она в ответ: «Покоит вышний град.
Те, кто Её не бросил одеяний, 99

До самой смерти бодрствуют и спят
Близ Жениха, который всем обетам,
Ему с любовью принесённым, рад. 102

Пиккарда ответила, – есть только одна Жена высокой мысли и деяний – Непорочная Дева Богородица, которая непосредственно была вознесена на небеса. Другие жёны, облачающиеся в одеяния девственности, до самой смерти жи-

вут возле обетованного Жениха = Христа, который рад всем обетам, приносимым Ему с любовью.

Я, вслед за ней, наскучив рано светом,
В Её одежды тело облекла,
Быть верной обещав Её заветам. 105

Но люди, в жажде не добра, а зла,
Меня лишили тихой сени Веры,
И знает Бог, чем жизнь моя была. 108

Она последовала за Богородицей, уйдя в монастырь, принесла обет девственности, но злые люди лишили её тихой сени Веры, принудив нарушить обет (выдали замуж), и только Бог знает, чем была её жизнь.

А этот блеск, как бы превыше меры,
Что вправо от меня тебе предстал,
Пылая всем сияньем нашей Сферы, 111

Внимая мне, и о себе внимал:
С Её чела, как и со мной то было,
Сорвали тень священных покрывал. 114

Образ Богородицы всегда с Пиккардой; Данте видел блеск Его справа от её тени. Пиккарда уточнила, – с чела Богородицы также были сорваны священные покрывала девственности.

На звёздном небе, 7 мая 1743 года, справа от полной Луны сияла Спика, – ярчайшая звезда в созвездии Девы.

Эта мысль крамольна сама по себе, она опровергает известный христианский миф о «Непорочном Зачатии» и «Непорочном Рождении Христа». Но, разум подсказывает нам простую мысль, – женщина не может зачать и родить, будучи и оставшись непорочной девственницей. Данте показал тем самым, – *непорочность* Богородицы, – миф, как показано в [2].

Когда Её вернула миру сила,
В обиду Ей и оскорбив алтарь, —
Она покровов сердца не сложила. 117

То свет Костанцы, столь великой встарь,
Кем от второго Вихря, к Свевской славе,
Рождён был третий Вихрь, последний Царь». 120

Так молвила, потом запела «Ave,
Maria», исчезая под напев,
Как тонет груз и словно тает въяве. 123

Мой взор, вослед ей пристально смотрев,
Насколько можно было, с ней простился,
И, к цели больших дум его воздев, 126

Я к Беатриче снова обратился;
Но мне она в глаза сверкнула так,

Что взгляд сперва, не выдержав, смутился;
И новый мой вопрос замедлил шаг. 130

Когда насильно Богородицу возвратили миру, выдав замуж за Иосифа Обручника, оскорбив тем самым алтарь девственности, она, неколебимая сердцем, осталась девственницей. Её упокоил Вышний град за то, что Она, не лишившись девственности, от второго Вихря = Бога-Святого Духа, родила третий Вихрь = Бога-Сына = Спасителя = Иисуса Христа, последнего Царя Царей. При этом Пиккарда связала Богоматерь со светом великой Костанцы (в итальянском тексте: «luce de la gran Costanza») и сделала дополнение, – последний Царь рождён к Свевской славе. В итальянском тексте стоит слово Soave, что следует читать, – Саваоф.

Полная формула звучит так: «К славе Господа Саваофа = Бога-Отца = Создателя, от Бога-Святого Духа, Непорочная Дева родила Бога-Сына = Спасителя, последнего Царя Царей, Иисуса Христа – воплощение Бога-Отца».

Пиккарда запела уместный именно здесь гимн Богородице: «Ave, Maria» и исчезла. Это – начальные слова латинской молитвы: «Радуйся, Благодатная Мария», которая по-русски звучит так:

«Богородице, Дева, радуйся! Благодатная Мария, Господь

с тобой! Благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего! Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, аминь!»

Впрочем, Пиккарда не употребила термина: «Непорочная». Данте, беседуя с Пиккардой, забыл про Беатриче и, обернувшись, встретился с её таким испепеляющим взглядом, что смутился, забыв задать вопрос об увиденном. И понятно, почему, – Екатерина Долгорукая была наречённой невестой Петра II, а Елизавета Петровна страстно любила его, и желала быть его женой, – она дико ревновала поэта.

Почему Пётр II и Елизавета Петровна не нашли счастья в браке и не продолжили род императоров Российских? К этому нашлись серьёзные препятствия не только со стороны «Имеющего Власть», как будет сказано дальше.

Остаётся объяснить часто используемое Данте имя, – Костанца. В разных местах «Комедии», поэт присваивал это имя разным женщинам, которых объединяло одно свойство – в своё время они становились полноправными правительницами своих стран (наследницами по прямой), например, дочь Петра Великого – полноправная императрица Российской империи – Елизавета Петровна. Почему Данте назвал Богородицу Костанцей? Как показано в [2], София Витовтовна (1371—1453 годы), мать Христиана Амадея «VIII» Милолюбивого (1383—1451 годы) была правительницей России = Костанцей с 1425 года до вступления на царский трон её сына, Василия II «Тёмного» (1415—1462 годы).

Реконструкция событий:

Бал—маскарад начался. В самой большой зале была объявлена ярмарка невест. Одна половина огромной старинной залы императорского дворца, освещённая ярким светом тысяч свечей в канделябрах и паникадилах, наполнилась девицами от 10 лет до..., лица которых скрывали маски. В другой половине, маски скрывали лица женихов всех возрастов; все в маскарадных костюмах, от прекрасных до уродливых.

Герольды протрубили, двери залы распахнулись с двух сторон и в них вошли двухметроворостые великаны в масках, одетые в камзолы, шальвары, ботфорты, неотличимые один от другого. На головах у них были широкополые шляпы с перьями, у одного белыми, у другого – красными. Сойдясь посреди залы, они сняли шляпы и церемонно раскладывались друг перед другом.

«Данте Алигьери» – представился великан в шляпе с белыми перьями.

«Джанни Скикки» – откликнулся великан в шляпе с красными перьями голосом первого великана, как будто эхом.

«Огласи указ, Джанни» – потребовал первый великан.

Второй великан достал из-под полы просторного камзола свиток с привязанной печатью, развернул его и огласил: «Именем Его императорского Величества, повелеваю всем девицам моей империи от 10 лет, прибыть на яр-

марку невест в костюмах и масках. Также повелеваю всем женихам, которым надоела холостяцкая жизнь, прибыть тем же порядком туда же. Неявившиеся пусть пеняют на себя. Да быть по сему!».

«Исполнен ли указ, Джанни?» – спросил первый великан.

«Исполнен, Данте» – подтвердил второй. А коли, кто не исполнил, – повинен смерти.

«Как же их смотреть, Джанни?» – спросил первый, оглядев толпу девиц в масках: «Личиков-то не видно, ножсек тоже».

«Нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить» – расхохотался второй: «А смотреть будем по росту» – и махнул герольдам платком.

Герольды протрубили, в залу вошли двенадцать палачей в красно-чёрных плащах, опоясанных верёвками, на концах которых были завязаны петли. Лица их скрывали острокопечные капюшоны с прорезями для глаз. Две пары палачей вынесли виселицы из двух столбов с перекладинами, с которых свисали петли, две другие пары несли плахи, остальные держали на плечах огромные, остро отточенные топоры. Дойдя до середины залы, палачи установили виселицы, образовав двое ворот, положили плахи поперёк них, как пороги, с размаху вогнали в них огромные топоры.

«Всё готово, Данте» – доложил второй великан: «Огласи указ».

Первый великан достал из-под полы такой же свиток,

развернул его и огласил: «Именем Его императорского Величества, повелеваю оным невестам и оным женихам, пройти под виселицей и перешагнуть плаху, не склоняя головы, а кто не пройдёт, повинен окончить свою холостую жизнь, в том же порядке, как и не пройдёт. Да быть по сему!».

«Женихов палачи поведут» – объявил второй великан: «А кто же невест будет?»

«А вон, две чертовки стоят» – указал первый на двух девиц, стоящих впереди толпы, в рыжих париках, с рожками, с чёрными хвостами сзади: «Ну-ка, чертовки, сюда!» – и махнул рукой. Те, смеясь, подбежали к великанам, ростом не доставая им до плеча.

«Как звать, чертовки?» – строго спросил первый великан.

«Беатриче» – ответила первая высоким голосом.

«Мательда» – ответила вторая низким голосом.

«А может у них не ножки, а козы копытца?» – с сомнением произнёс второй великан: – «Да может и волосатые, как у царицы Савской? Ну-ка, чертовки, сбросьте обувь, да покажите ножки».

«Сам первый сбрось!» – негодуя воскликнула Мательда: «У самого небось копыта, как у козла!»

Второй великан вскинул одной ногой, потом другой, ботфорты разлетелись в разные стороны, и вздёргнул шальвары до колен. Чертовки, весело смеясь и приплясывая, последовали его примеру, задрав подолы ещё выше, показывая белые ножки.

«Объявляю указ!» – сбрасывая ботфорты, крикнул первый великан: «Все идут под виселицу без обуви, показывая ножки. У кого същутся копыта, палачам – отрубить, чертей вешать! Да быть по сему!»

«Палачи!» – крикнул второй великан: «Начинать женихам от трёх аришин без трёх вершков, невестам от двух аришин с половиной. Как все пройдут, по вершику спускать, кто не пройдёт – женить. Да быть по сему» и первым пошёл под виселицу. Коснувшись перекладки лбом, возрыдал: «Ах, я, несчастный, пропала вольная жизнь», и крикнул первому: «Теперь ты!».

Первый великан, коснувшись лбом перекладки, расхохотался, и встал со вторым, рядом с виселицей.

«Ну, теперь жди невесту, тебе первая, мне вторая» – рассмеялся второй великан и махнул платком. Герольды затрубили, с хоров загремела музыка. По залу завертелись два хоровода. Палачи прогоняли через виселицу женихов, срывая с них сапоги, чертовки, перескочив плаху, волокли невест, ставляя их сбрасывать туфли и показывать ножки. Женихи закончились раньше, никто не встал рядом с великанами. Невесты, смеясь и конфузясь, одна за другой перескакивали плаху под перекладной виселицы, не задевая её.

«Ну, видно, не судьба нынче» – только и успел сказать второй великан, как чертовки привели под виселицу высокую девицу в красно-розовом платье, которое она приподымала до колен, показывая стройные ножки. Перешагнув плаху,

она коснулась перекладины лбом.

«Стой, назад!» – вскрикнул второй великан, схватив её за руку и подводя к первому: «Вот братец, невеста твоя! А моя ещё растёт».

«Как звать, красавица?» – спросил Данте, оглядывая стройную фигуру невесты.

«Пиккарда» – ответила та высоким певучим голосом.

Чертовки приволокли к виселице ещё одну высокую девушку в тёмно-зелёном платье; та отчаянно упиралась. Но, сопротивляться было бесполезно, и она, приподняв край платья до щиколотки, перешагнула плаху, коснувшись перекладины лбом.

«Вот и твоя судьба!» – весело вскричал первый великан; схватил её за руку, подводя ко второму: «Как звать, красавица?»

«Нэлла» – отвечала та глубоким грудным голосом, покраснев так, что было видно и сквозь маску. Джанни, сам залившийся краской, взял её за руку.

«Палачи!» – закричал первый великан: – «Спускай на вершок!» и, взяв свою невесту за руку, направился на середину залы; вторая пара последовала за ними. Музыка загрела с новой силой, хоровод женихов и невест закружился сзади них пуще и веселее прежнего. Подняв глаза, Данте натолкнулся на испепеляющий взгляд Беатриче, которая, побледнев, смотрела на него; руки её дрожали.

Рай – Песня IV

Первое небо – Луна (продолжение).

**Объяснение с Пиккардой
и Беатриче. Беатриче объясняет
Данте устройство Рая.**

Меж двух равно манящих яств, свободный
В их выборе к зубам бы не поднёс
Ни одного и умер бы голодный; 3

Так агнец медлил бы меж двух угроз
Прожорливых волков, равно страшимый;
Так медлил бы меж двух оленей пёс. 6

И то, что я молчал, равно томимый
Сомненьями, счесть ни добром, ни злом
Нельзя, раз это путь необходимый. 9

Так я молчал; но на лице моём
Желанье, как и сам вопрос, сквозило
Жарчей, чем сказанное языком. 12

Видя испепеляющий взгляд Беатриче, Данте терзался сомнениями, уподобившись *Буриданову ослу* из басни Эзопа,

который, свободный в выборе своём, умер от голода меж двух копен сена. Поэт передал терзающую его бурю сомнений ещё двумя аналогичными сюжетами, — это говорит о множестве мыслей, проносящихся у него в голове. И ягнёнок, оказавшись меж двух прожорливых волков, медлит, не зная, в какую сторону ему бежать, и пёс, погнавшись за двумя оленями, которые разбегались в разные стороны, замирает на месте, не зная, за каким из них ему гнаться.

Подобно Буриданову ослу, он оказался между двумя любимыми женщинами — Пиккардой и Беатриче и не мог решить, — с кем из них ему продолжить разговор? Но желание разобраться с увиденным было написано у него на лице понятнее, чем сказанное языком.

Русская пословица: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь».

Но Беатриче, вроде Даниила,
Кем был смирён Навуходоносор,
Когда его свирепость ослепила, 15

По Библейской легенде, Вавилонские мудрецы не могли истолковать царю Навуходоносору, позабытый им сон, и он велел их казнить, но гнев его прошёл, когда пророк Даниил напомнил ему сон и объяснил его значение.

Так и Беатриче, сменив гнев на милость, угадала сомнения поэта и разрешила их.

Это – сон Навуходоносора об истукане с золотой головой, серебряными шеей и руками, медной грудью, железным брюхом и глиняными ногами, – детская загадка о Златоглавом православном храме.

Сказала: «Вижу, что возник раздор
В твоих желаньях, и, теснясь в неволе,
Раздумья тщетно рвутся на простор. 18

Ты мыслишь: «Раз я стоек в доброй воле,
То как насилье нанесёт урон
Моей заслуге хоть в малейшей доле?» 21

Ещё и тем сомненьем ты смущён,
Не вносятся ли души в самом деле
Обратно к звёздам, как учил Платон. 24

По-равному твоё стесняют velle
Вопросы эти; обращаясь к ним,
Сперва коснись того, чей яд тяжеле. 27

Беатриче начала ответ на немой вопрос поэта: «Почему, если человек стоек в доброй воле, как Пиккарда, насилье наносит ему урон, располагая на низших ступенях Рая?» И второй вопрос: «Неужели праведные души не возносятся к звёздам, как учит Платон, а остаются на планетах, например, на Луне?»

Согласно учению Платона, – души до своего воплощения обитают на планетах и звёздах, куда и возвращаются после смерти человека. «Velle» – схоластический латинский термин, означающий: «воля».

Этим мнение Платона отличается от мнения Вергилия, который, посетив в лице царя Энея, Лимб и Элизиум на Земле, обнаружил там ещё не воплотившиеся души будущих властителей Рима; их показала ему тень отца – Анхиза, предрекая Энею великое будущее его потомков и основанного ими тысячелетнего Рима.

Платон = Георгий Гемист Плетон (1355—1452 годы), учитель и ученик Иисуса Христа = Христиана Амадея «VIII» Миролюбивого (1383—1451 годы), сыгравший роль Иуды Искарота в Страстях Христовых. Также известен, как апостол Марк, написавший первое Евангелие [2].

Вергилий = апостол Андрей Первозванный = папа Пий «II» (1405—1464 годы), создавший миф о 1200-летней «древности» «Римской империи», после падения «Восточной Римской империи» = осады и взятии Константинополя в 1453 году, в угоду становящейся «Священной Римской империи германской нации» [3].

Всех глубже вбожествлённый серафим
И Моисей, и Самуил пророки
Иль Иоанн, – он может быть любим, – 30

Мария – Твердью все равновысоки
Тем духам, что тебе являлись тут,
И бытия их не иные сроки; 33

Все красят первый круг и там живут
В неравной неге, ибо в разной мере
Предвечных уст они дыханье пьют. 36

Всех глубже (далее всех от Земли), выше Сферы звёзд, вбожествленный – всех более погружённый в созерцание Божества, серафим. С ним вместе обитают ветхозаветные и новозаветные праведники, такие, как пророки Моисей и Самуил, или Иоанн, который может быть любым: «Как Иоанн Креститель, так и евангелист Иоанн», возможно, и многие другие Иоанны, которыми полны «Жития Святых». С ними вместе, в той же тверди, обитает и Богородица. И все они пребывают в том же небе, что и души, являвшиеся поэту на Луне. И бытия их не иные сроки – все души, обретшие Небесный Рай, одинаково вечны.

Нельзя считать неудовлетворёнными души, обиталищем которых служит Луна. Свет вечного Эмпирея, струясь, пронизывает все небесные Сферы, создавая в каждом из них свои отражения. И все они красят собой и первый круг – Луну, живут в ней, разделяя с обитающими в ней душами, хотя неравную негу; ни один из обитателей Луны не обделён дыханием предвечных уст Создателя.

И здесь они предстали не как в Сфере,
Для них назначенной, а чтоб явить
Разностепенность высшей на примере. 39

Так с вашей мыслью должно говорить,
Лишь в осязательном черпующей познание,
Чтоб разуму затем его вручить. 42

К природе вашей снисходя, Писанье
О Божией деснице говорит
И о стопах, вводя иносказанье; 45

Праведники обитают в самом верхнем круге – Эмпирее, а здесь, на Луне, они предстают отражёнными, как в зеркале, а не как в Сфере, чтобы явить пример высшей разностепенности для души, чья обитель – Луна. Так говорят с нашей мыслью, черпающей познание лишь в осязательном, чтобы вручить его разуму. Снисходящее к человеческой природе Писание, говорит о Божьей деснице и Божьих стопах, вводя иносказание.

И Гавриила в человеческий вид,
И Михаила Церковь облакает,
Как и того, кем исцелён Товит. 48

То, что Тимей о душах утверждает,
Несходно с тем, что здесь дано узнать,
Затем что он как будто впрямь считает, 51

Что всякая душа взойдёт опять
К своей звезде, с которой связь порвала,
Ниспосланная тело оживлять. 54

Но может быть – здесь мысль походит мало
На то, что выразил словесный звук;
Тогда над ней смеяться не пристало. 57

Так, возвращая светам этих дуг
Честь и позор влияний, может статься,
Он в долю правды направлял бы лук. 60

Поняв его превратно, заблуждаться
Пошёл почти весь мир, и так тогда
Юпитер, Марс, Меркурий стали зваться. 63

Человеческая мысль грешит антропоморфизмом – стремлением придать всему человекоподобный вид. Так, в виде людей в Церкви изображаются архангелы – Гавриил и Михаил, никогда не бывшие людьми. Так же изображается и тот, кем был исцелён Товит – архангел Рафаил, который, по библейской легенде, снял у него бельма с глаз.

«Тимей» – один из диалогов Платона, где идёт речь о возвращении души к звездам.

Беатриче сказала, – если Платон имел в виду влияние звёзд на человеческие души и видел в нём причину достой-

ных и позорных поступков, то он отчасти был прав. Хотя, поняв Платона превратно, люди начали давать планетам имена богов, на них обитающих, таких, как Олимпийские боги Юпитер, Марс, Меркурий и другие.

Любопытно, – сама Беатриче назвала заблуждением превратно понятые слова Тимея из диалога Платона. Можно понять, – история происхождения названий планет и созвездий ей была известна лучше, чем кому бы то ни было. Возможно ли это?

Обратившись к предыдущим сопоставлениям Данте, видим, – Беатриче было прекрасно известно, о чём идёт речь. Согласно мифологической традиции, названия планет и названия созвездий, без всяких колебаний приписывались лично Верховному Олимпийскому богу Зевсу-Громовержцу (Юпитеру) и его детям, главным образом, отцу Муз – Аполлону. В самом деле:

Планета Юпитер – непосредственно сам Зевс—Громовержец;

Планета Сатурн – отец Зевса = Крон;

Планета Земля – бабушка Зевса = Гея, *родившая Урана и с ним начавшая родословную всех остальных богов – первопродительница богов;*

Планета Меркурий – сын Зевса и Геры Гермес;

Планета Венера – сама Гера (по созвучию), либо дочь Зевса и Геры, либо Зевса и Дионы, Афродита;

Планета Марс – сын Зевса и Геры Арес;

Планета Луна – дочь Зевса и Геры, либо Зевса и Лето (Латоны) Артемида или Диона;

Солнце, считающееся планетой – сын Зевса и Геры, либо Зевса и Леты (Латоны) Аполлон или Феб.

Даже открывая новые планеты в наше время, астрономы строго следуют этой традиции. Напомним:

Планета Уран (Небо) – дед Зевса, *первородитель богов, вместе со своей матерью Геей (Землёй)*;

Планета Нептун – брат Зевса Посейдон = Колебатель Морей;

Планета Плутон – брат Зевса Аид = властелин Подземного Мира. Если обратиться к названиям созвездий, показанных на иллюстрированной «Звёздной Карте» Дюрера, то происхождение всех их, без исключения, приписывалось также лично Зевсу, либо его детям. Можно ознакомиться с историей происхождения названий созвездий, заглянув в тексты мифов Древней Греции.

Резюмируя всё вышесказанное, делаем вывод, – до времени земной жизни бога Зевса всех этих названий не существовало. Возможно, следы названий объектов звёздного неба до Зевса сохранились в нашем языке в виде Солнце, Луна, Колесница, Лось и т. п. Ясно одно, – все эти названия появились одновременно, какой-то один человек присвоил им эти названия и образы. Сколь велик был этот человек, говорит факт, – эти названия пережили века и звучат в наше время!

Обратим внимание, – планеты были названы по именам

Олимпийских богов не по греческой, но по латинской традиции, за исключением Урана, названного по греческой традиции. Почему так?

Раскрытое Небо

«Древние» планеты Солнечной Системы названы именами Олимпийских богов в соответствии с латинской традицией имён богов, **впервые применённой Вергилием** в «Энеиде». Таковы Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн. Для наименования Солнца и Луны, также имелись латинские имена, – Феб-Аполлон, Диана. В дальнейшем, открывая новые планеты, астрономы давали им имена по той же традиции, – Нептун, Плутон. Единственным исключением из этого ряда является Уран, наречённый на основании греческой традиции, как отец Крона (Сатурна). Почему не на основании латинской?

Посмотрев внимательно на генеалогию богов греческого пантеона, видим, – Уран (Небо) являлся сыном Геи (Земли), возникшей в ХАОСЕ. Понятие ХАОСА присутствует исключительно в греческой мифологии, в латинской отсутствует.

В этом кроется ответ на вопрос, но данный ответ поверхностен.

Латинским писателям, создающим вымышленные «древние» времена, вплоть до Сотворения Мира», ХАОС представлялся лишь неосвоенным полем истории, который можно было засеять чем угодно; новой Индией, Америкой, которую необходимо было колонизировать, хотя бы и виртуально. Ведь, если остановиться на пороге ХАОСА, – момента осознания человеком истории после создания письменности (кириллицы) пришлось бы признать, – люди и все рода с момента начала осознания времени, находятся в одинаковых правовых условиях, и у становящихся элит «Священной Римской империи германской нации» и христианской Церкви нет приоритета «многовековой власти» и «избранности Богом». Не зря Церковь и правящие кланы объединились в общем усилии по «удревнению» истории. Правители взяли Церковь под крыло, Церковь «осветила» права на власть «Помазанников Божьих». Общими усилиями институты власти и Церкви выработали основу для утверждения «многовековой» власти над миром людей, как светской, так и религиозной.

Именно по этой причине Вергилий, создающий основу для вымышленной 1200-летней истории «Древнего Рима», предшественнице возникшей на развалинах «Восточного Рима», после осады и взятия широким фронтом 27-ми держав Европы Константинополя в 1453 году, «Священной Римской империи германской нации» в «Энеиде», отодвигая «Троянскую Войну» в глубины ХАОСА на 1200 лет, лукаво обо-

шёл вопрос об отце Сатурна, Уране, *возникшем из ХАОСА вместе с Геей*, открыв Небо избранным и обеспечив плацдарм для размещения на нём *Библейской истории «Ветхого Завета»*. Да и «Новый Завет» Евангелисты Матфей и Лука вслед за ним *пополнили списком «архонтов», доведённых ими до «Сотворения Мира»*. То, что при этом пришлось присвоить «Ветхозаветным Отцам», *начиная с Адама, 1000-летние сроки жизни*, никого из них не смущало. «Цель оправдывает средства» – девиз «Отцов и Учителей Церкви» и созданного ими «Ордена Иисуса», так называемых иезуитов.

Однако, с точки зрения Верховного Олимпийского бога Зевса (Юпитера) история его рода, да и всего человечества не простиралась в прошлое дальше его деда – Урана (Небо) и его бабки и прабабки одновременно – Геи (Земли), *родившей Урана без мужа (первое известное нам непорочное зачатие)*, затем, со своим сыном Ураном, *родившей второе поколение Титанов и Богов*, среди которых был Крон (Сатурн) – отец Зевса.

Эти мифологические истории, простирающиеся вглубь ХАОСА, Беатриче назвала заблуждениями. А вы попробуйте вспомнить, – как звали ваших прадедов и чем они занимались в жизни. До какого поколения вы сможете дойти?

Бог Зевс отождествлён в [3], как Дмитрий (Илья) Донской (1350—1389 годы), изобретатель первой письменности (кириллицы), как Кирилл (Кир Илия). Именно письменность позволила закрепить названия планет, созвездий и звёзд, как

и многого другого, и заложила начала истории, как области филологии. Но, в прошлое даже бог Зевс не мог заглянуть дальше своего деда, – память человеческая коротка. Латинская школа, поставив первым богом Сатурна, *при котором на Земле был Золотой век*, оторвала его от ХАОСА, не упоминая о его родителях, и, в «удревнении» истории дошла до «Сотворения Мира», – наивной схеме Миротворения, закрепив её в Библейском «Ветхом Завете».

Совершенно верно Беатриче назвала это: «детскими заблуждениями» человечества.

В другом твоём сомнении вреда
Гораздо меньше; с ним пребудешь здравым
И не собьёшься с моего следа. 66

Что наше правосудие неправым
Казаться может взору смертных, в том
Путь к Вере, а не к ересям лукавым. 69

Но так как человеческим умом
Глубины этой правды постижимы,
Твоё желанье утолю во всем. 72

Раз только там насилье, где теснимый
Насильнику не помогал ничуть,
То эти души им не извинимы; 75

Затем что волю силой не задуть;

Она, как пламя, борется упорно,
Хотя б его сто раз насильно гнуть. 78

А если в чём-либо она покорна,
То вторит силе; так и эти вот,
Хоть в Божий дом могли уйти повторно. 81

Другой вопрос поэта: «Есть ли грех на Пиккарде, если из монашек, давших обет девственности = невест Христовых, она, против своей воли, насилием „Имеющего Власть“, стала женой земного человека?» Беатриче утвердительно ответила на этот вопрос, – насилие можно признать только в том случае, если теснимый ничуть не помогал насильнику. Грех Пиккарды, – насильно выданная замуж, она покорилась своему состоянию, а не ушла повторно в монастырь.

Будь воля их тот целостный оплот,
Когда Лаврентий не встаёт с решетки
Или суровый Муций руку жжёт, – 84

Освободясь, они тот путь короткий,
Где их влекли, прошли бы сами вспять;
Но те примеры – редкие находки. 87

Беатриче привела два примера из истории, когда насилуемые не потворствовали насильнику:

Лаврентий – римский диакон, сожжённный на железной

решетке, но не отрекшийся от Христа.

Муций Сцевола – римский юноша, сжёгший свою правую руку, когда ему не удалось убить этрусского царя Порсенну, осадившего Рим.

Сжигаемый на решётке, святой Лаврентий не отрёкся от Христа ни на одно мгновение, а Муций Сцевола добровольно сжёг свою руку на огне, чтобы подтвердить неизменность намерений убить царя Порсенну. Так и другие святые, лишь освободясь от насильников, волокущих их по ложному пути, проходили этот путь вспять, возвращаясь на путь истинный, становясь святыми мучениками, описанными в «Житиях Святых».

Отождествить вышеуказанных мучеников невозможно, можно только указать, – все «истории Рима» произошли после 1300 года, = границы ХАОСА, либо позже «Троянской Войны» 1453 года.

И, конечно, воображать то, что женщина того времени могла возражать «Имеющему Власть», – воспротивиться насилию, нет ни малейшего смысла.

Так, если точно речь мою понять,
Исчез вопрос, который, возникая,
Тебе и дальше мог бы докучать. 90

Но вот теснина предстаёт другая,
И здесь тебе вовеки одному

Не выбраться; падёшь, изнемогая. 93

Как я внушала, твоему уму,
Слова святого никогда не лживы:
От Первой Правды не уйти ему. 96

Слова Пиккарды, стало быть, правдивы,
Что дух Костанцы жаждал покрывал,
Моим же как бы противоречивы. 99

Но так как слова святого никогда не лживы, – Первой Правдой служат и слова Пиккарды, – дух Костанцы жаждал покрывал.

Понять это схоластическое утверждение крайне сложно. С одной стороны, Богородица, не познавшая мужа, оставшаяся Непорочной Девой, как бы не должна была жаждать покрывал, положенных замужней женщине. С другой стороны, дух Богородицы, зная её высокое предназначение – родить миру Спасителя, конечно же, жаждал покрывал: «Жены высокой жизни и деяний» и покрывал материнства.

Покрывало Богородицы нам прекрасно известно по преданию о: «Покрове Пресвятой Богородицы».

Это – то самое покрывало, которым покрывали голову замужние женщины, – повойник. Название этого головного

убора происходит от слова «повивать» = пеленать младенца, сравним, – повивальная бабка или повитуха. Замужняя женщина тех времён жила постоянно в состоянии беременности и ожидания родов и этот, столь нужный ей в этом случае предмет всегда должен был быть под рукой. Где же ему было храниться, как не на самом высоком и чистом месте – на голове. Любая из окружающих женщин того времени могла родить в любое время, и любая другая тут же могла предложить ей свой повойник, чтобы спеленать (повить) младенца.

Ты знаешь, брат, сколь часто мир видал,
Что человек, пред чем-нибудь робея,
Свершает то, чего бы не желал; 102

Так Алкмеон, послушаться не смея
Родителя, родную мать убил
И превратился, зла страшась, в злодея. 105

Здесь, как ты сам, надеюсь, рассудил,
Насилье слито с волей, и такого
Не извинить, кто этим прегрешил. 108

«Король, брат мой». Беатриче применила эту формулу в разговоре с поэтом, подчёркивая равенство их между собой.

Согласно фиванскому циклу мифологии, сын царя Фив, Эдипа и его матери – Иокасты, Полиник, ища себе союзников, чтобы отвоевать Фивы у своего брата Этеокла, подарил тщеславной Эрифиле – жене аргосского царя Амфиарая, ожерелье Гармонии, приносящее несчастье всем его обладательницам, и та указала ему, где прячется её муж, который скрывался, зная, – он лишится жизни, если отправится в этот поход. Когда Амфиарай погиб под Фивами, его сын Алкмеон, выполняя мщение, завещанное отцом, убил свою мать. Так, выполняя волю отца, он стал злодеем – убийцей матери. Здесь насилие было слито с волей – насилью способствовала уступчивая воля исполнителя, а этого уже извинить невозможно.

Прогневались богини-мстительницы Эриннии на Алкмеона и преследовали его всюду, где только не старался он скрыться. (Фиванский цикл. Алкмеон).

«Фиванский цикл» предшествовал: «Троянской Войне» = осаде и взятию Константинополя в 1453 году. После взятия Фив = Софии семью царями, Агамемнон = Магомет «II» Завоеватель (1432—1481 годы) в составе войск из 27-ми стран Европы, решил идти на Константинополь [3].

По сути, воля не желает злого,
Но с ним мирится, ибо ей страшней
Стать жертвою чего-либо иного. 111

Пиккарда мыслит в повести своей
О чистой воле, той, что вне упрека;
Я – о другой; мы обе правы с ней». 114

Воля может не желать злого, но мириться с ним, боясь стать жертвой. Поэтому, когда Пиккарда говорит о чистой воле, она права, а когда Беатриче говорит о воле, идущей против насилия, она права также.

Таков был плеск священного потока,
Который от верховий правды шел;
Он обе жажды утолил глубоко. 117

«Небесная», – тогда я речь повёл:
«Любимая Вселюбящего, светит,
Живит теплом и влагой ваш глагол. 120

Таких глубин мой дух в себе не встретит,
Чтоб дар за дар воздать решился он;
Пусть Тот, кто зрящ и властен, вам ответит. 123

Речи любимой, идущие от самых верховий правды, утоляли жажду познания поэта о жизни и о религии. Он воздал хвалу Богородице, которая живет теплом и светом речь Беатриче. Он признался, – таких глубин духа не имел в себе, чтобы воздать даром за дар и говорил, – ей ответит только Господь, который зрящ и властен.

Я вижу, что вовек не утолён
Наш разум, если Правдой непреложной,
Вне коей правды нет, не озарён. 126

В ней он покоится, как зверь берложный,
Едва дойдя; и он всегда дойдёт, —
Иначе все стремления ничтожны. 129

От них у корня истины встаёт
Росток сомненья; так природа властно
С холма на холм ведёт нас до высот. 132

Вот что даёт мне смелость, манит страстно
Вас, госпожа, почтительно спросить
О том, что для меня ещё неясно. 135

Я знать хочу, возможно ль возместить
Разрыв обета новыми делами
И груз их на весы к вам положить». 138

Она такими дивными глазами
Огонь любви метнула на меня,
Что веки у меня поникли сами,
И я себя утратил, взор склоня. 142

Чтобы разрешить все сомнения, поэт спросил у Беатриче: «Можно ли возместить разрыв обета новыми делами?» и получил в ответ такой, полный любви, дивный взгляд, что виновато поник глазами перед любимой.

Да, несомненно, это великое произведение поэта, полное любви, посвящено императрице Российской Елизавете Петровне. Покинутая любимым, которому она дала обет верности, – Петром II, она, хотя и понимала, – этот разрыв насильно произведён над ними, тем не менее, дала и исполнила обет верности своему любимому. Залогом этому бессмертная «Комедия». Не верьте никаким борзописцам, описывающим якобы имевшиеся любовные интрижки Елизаветы с фаворитами, например, Алексеем Разумовским. Ничего этого нет и быть не могло. Все эти вымыслы пусть лягут тяжким грехом на души лжецов, типа Алексея Толстого и других, посмеявших своим грязным пером осквернить святыню. Покров её незапятнанно чист, о чём свидетельствует её единственный возлюбленный, переживший её на долгие годы, гениальный поэт!

Практически Данте = Пётр II, всё время правления Елизаветы Петровны с 1743 по 1761 годы, находился в России, в Санкт-Петербурге, рядом с ней. Ей он преподнёс в 1757 году роскошное издание «Комедии» на итальянском языке, снабдив его собственноручной дарственной надписью:

*«Избегая ненависти жестокого города,
ежечасно готовый к ударам судьбы,
этрусский поэт смиренно идёт к Вам,
о царственная донна, чтобы снискать милости.
Долго по нехоженным путям
он бродил по горячим пескам Стикса,*

*но ему не был закрыт и Вечного Добра
путь в небесах по благословенным тропам.
После долгого пути, наконец, ища
отдыха своим горестным и несчастным дням,
возлагает свою суровую лиру к Вашему Трону.
Пусть будет так, что, желая
вернуться к своему мэтру, он услышит
на другом языке звук Ваших похвал».*

Жаль, – сегодня нельзя увидеть этого издания, чтобы сравнить его полноту с тем, которое находится перед нами. Нельзя также увидеть и издания 1764 года на немецком языке, преподнесённого поэтом в дар императрице Екатерине II. По свидетельству одного из последних исследователей творчества Данте, советского филолога Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова (1904—1969 годы), оба эти издания были отправлены из России в «ссылку», в Париж, и проданы на аукционе. Как интересно было бы выяснить из первоисточника 1757 или 1764 года, – какие строки в нём ещё не были написаны!

Восстановление истинного смысла «Комедии» и личности Данте можно сделать и не располагая в качестве доказательств изданиями разных лет. Достаточно одного только бессмертного текста великой «Комедии». Но, воистину, было бы приятно, если изыскать возможность взглянуть на эти «древние» издания и подтвердить, либо опровергнуть какие-либо из сопоставлений.

Добавим соображение по поводу издания «Комедии» 1764 года на немецком языке. Пётр II = Данте, владеющий немецким языком, как своим первым родным, староитальянским, как вторым родным, сам переложил «Комедию» на немецкий язык, посвятив это издание Российской императрице Екатерине II Великой, немке по происхождению и по языку. Досконально изучив за долгие годы своей жизни русский язык, написав на нём много прекрасных стихотворений, он не решился переложить «Комедию» на него по неясным пока причинам (а, может быть, и переложил, но перевод нам пока недоступен).

Рай – Песня V

Первое небо – Луна (окончание). –

Второе небо – Меркурий. –

Честолюбивые деятели. Путешествие

вглубь Космоса продолжается.

«Когда мой облик пред тобою блещет
И свет любви не по-земному льёт,
Так, что твой взор, не выдержав, трепещет, 3

Не удивляйся; это лишь растёт
Могущественность зренья и, вскрывая,
Во вскрытом благе движется вперёд. 6

Уже я вижу ясно, как, сияя,
В уме твоём зажётся вечный свет,
Который любят, на него взирая. 9

И если вас влечёт другой предмет,
То он всего лишь – восприятий ложно
Того же света отражённый след. 12

Ты хочешь знать, чем равноценным можно
Обещанные заменить дела,

Поэт вложил в уста любимой песнь торжествующей любви: «Блещет и льёт свет любви её облик не по-земному», – его взор не в силах выдержать. В его уме зажётся вечный свет, глядя на который, любят. Любой другой предмет любви, – ложное восприятие отражённого вечного света». Так она ответила на вопрос поэта: «Можно ли другими делами заменить прерванный обет?» Точнее: «можно ли ему, Данте, получить прощение Беатриче и вернуть обратно любовь, нарушив все обеты?»

Могущественность зрения, вооружённого телескопом, возросла и позволила достичь вечных объектов, расположенных выше Луны.

Так Беатриче в эту песнь вошла
И продолжала слова ход священный,
Чтоб речь её непрерывной текла: 18

Она, начав отвечать на сформулированный ею самой безмолвный вопрос поэта, продолжила речь, не прерывая. Видно, – в сердце и душе её было много невысказанного.

«Превысший дар Создателя Вселенной,
Его щедроте больше всех сродни
И для Него же самый драгоценный, – 21

Свобода воли, коей исконѹ
Разумные создания причастны,
Без исключенья все и лишь они. 24

Отсюда ты получишь вывод ясный,
Что значит дать обет, – конечно, там,
Где Бог согласен, если мы согласны. 27

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.